

АНДЕРГРАУНД № 10

/октябрь 1994 г./

Редактор - Михаил Зуйков

Контактный адрес: 627400 Тюменская обл.,
г.ИШИМ-3, а.я.84
телефон - (345-51) 7-29-43

При перепечатке материалов ссылка на
"Андерграунд" обязательна

(р) ЦИКАБА-ПРЕСС, Ишим - 1994 г.

(с) БАГУЛЬНИК-ПРЕСС, Ноябрьск-Тюмень - 1995 г.

"Молчи, ничего!
Постоим еще, Гриша!"
/Н.Некрасов/

Привет, Друзья!

Все чаще на моем столе появляются письма, похожие друг на друга своей безысходностью и грустью. Бытовуха, безденежье, отсутствие цели и т.п. Одна большая эпидемия невьебенной заботы охватила страну, как мне кажется. Грущу все это. И вот приходится в пику времени жить, творить и размножаться. Кто знает, может, в другой обстановке не вышло бы того, что получается сейчас. Время нас изменило. Я, например, подавив стыдливость, научился протягивать руку, ища помощи у новоиспеченных капиталистов. Многие из них приобрели навык отказывать, глядя при этом в глаза /что, по-моему, намного труднее/... Зато никогда в своей жизни я не стоял в очереди: ни за книгами, ни за колбасой... Тем более, я не буду стоять в хвосте за божьей благодатью. Я имею в виду церковь. Сегодня это место, где занимают очередь к богу блатные и нищие, бывшие инструкторы горкомов и инструкторы по выживанию. Сегодня это модно, актуально, прибыльно, наконец. Ну, и живите по писаному:

"Пейте вино - кровь мою,
ешьте хлеб - плоть мою"

Так и жрут друг друга православные. Церковь приучила их к вампиризму и каннибализму, причащая...

Кончается год. Трудный. Интересный. Насыщенный. Творческий. Приятно видеть, как вокруг появляется молодежь, жадная до информации о российской рок-сцене, пытающаяся сочинять и петь СВОЕ, - группа ХАЛЬТ! Приятно уходить с репетиции, родив что-нибудь Этакое. Приятно держать в руках очередной номер АНДЕРГРАУНДа /хотя бы и макет/...

Конечно, не из одних "приятностей" состоит жизнь в Ишиме. Но мы еще держимся!

Ощущаю резкий спад активности отечественного рок-самиздата. Похоже, "Золотое подполье" А.Кушнира выйдет как раз к похоронам этого неординарного явления. Не буду ударяться в выискивание причин "заката" рок-журналистики, оставлю эту "деляну" тому же Кушнiru /для предисловия к переизданию его книги/. Но наверняка ставка на полиграфические мощности державы остается "большей, чем жизнь" многих интересных журналов. Так стоит ли игра свеч? Может, забить на типографии и вновь возлюбить печатную машинку, как мать родную?!...

- А "ПИНОЛЛЕР"? - возразите мне вы. - Какая крутизна: дизайн, бумага, шрифт!..

Все это так. Но и журнал этот так же далек от самиздата, как Ишим от Переделкино! Очередной элитарный выебон под вывеской "новая журналистика". Ситуация, когда половину материалов номера можно читать лишь с толковым словарем в руках, поскольку что ни слово - ментальный, вербальный, толерантный... А то еще - заморская фраза. После нескольких минут напряженного вглядывания в текст /чтением это назвать трудно/ перед глазами встает название группы "Einsturzende Neubauten". В свое время я долго пытался выговорить эти слова, но увы! Ограничился народным переводом - Инструкция по Наебанию.

Такие вот мысли. Своевременные? Нет?...

Сегодня мы подводим кое-какие итоги - у нас юбилей! Немного сухих фактов. И как всегда, разговариваем с конкретными людьми - без этого АНДЕРГРАУНД не АНДЕРГРАУНД. Рубрика "Из закров" на сей раз представлена достаточно свежими материалами. Не знаю, где и когда были напечатаны "письма" Олега Ковриги /и напечатаны ли вообще?/, а с "Историей одного марш-броска" вышла странная история - в свое время, при подготовке АНДЕРГРАУНДа N 8, я вдруг не захотел публиковать ее в журнале по причине выпадения из общего контекста номера. Тем не менее, этот материал был анонсирован в тюменской ТЕМЕНИ, которая планировала разродиться в 1993 году двумя номерами /по моим сведениям, готовыми/. Дело уперлось в сломанный ксерокс, потом еще во что-то... Короче, подписчики не дождались ТЕМЕНИ ни в 1993, ни в 1994 году. Похоже, Виктор Щеголев /редактор/ утратил интерес к своему детищу. Жаль. Таким образом, чтобы вышеупомянутый материал не канул в лету, я решил поместить его в "закрома" N 10, выбросив из текста некоторые "несбыточные" фрагменты /типа участия ЦИКАБА в "Индюках" - 93/. Потом махнул рукой и не стал ничего трогать. Пусть.

В добрый путь, дорогие читатели! С праздником!

Отец Михаил, сентябрь 1994 г.

"АНДЕРГРАУНД"

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Нам сегодня грустно.

У нас сегодня юбилей. Думали ли мы в том далеком 1986 году, делая АНДЕРГРАУНД N 1, что когда-нибудь у журнала будет свой праздник? Наверное, думали... Впрочем, праздники были и раньше. С каждым новым номером.

Слава Богу, юбиляр не растолстел, не обуржуазился, не зазнался. И, самое главное, - не скурвился. Это важно.

Юбилей, хочешь ты того или нет, мероприятие всегда немного ностальгическое. Листал старые номера, улыбался... Замечательное время.

Я не любитель высокопарностей, детального анализа и выискивания разных смыслов, подтекстов, значимости и т.п. Как писалось - так и писали. Но поскольку черту подвести надо - попробую немного рассказать о том, как происходило рождение и становление АНДЕРГРАУНДа. Надеюсь, это будет интересно нашему равнодушному читателю.

Михаил ЗУЙКОВ

* * *

Идею написания истории АНДЕРГРАУНДа подкинул мне один из его читателей - Эдуард Ленкин. Сам бы я додумался до этого, наверное, не скоро... Собственно, дело не в идее. Этот человек написал слова, которые заставили задуматься: "... Очень часто мы не ценим то, что рядом с нами. А из памяти постепенно стираются какие-то штрихи, без которых исчезают целые события. А АНДЕРГРАУНД - это уже история, что бы ты ни думал..."

Возразить нечего. Это так. Я уже и сейчас плохо помню то время /1986 г./, когда мы были дружны с Петром ЗЕМЛЯНЫХ... Начальное слово было за Петром. Название придумал он же, да и вообще первые два номера, увидевшие свет, - целиком и полностью заслуга Малыша Пита, который в то время мечтал стать писателем, связать свою жизнь с кино и т.п. Планам этим не суждено было претвориться. Одной из причин (но не главной, наверное) было глобальное распиздайство Петра. Но это - другой разговор...

На фото: Малыш Пит и Отец Михаил, лето 1986 г.

Так вот, начитавшись появившегося у меня к тому времени столичного самиздата /РОКСИ, УХО, СМОРЧЕК/, мы порешили сделать попытку создания подобного журнала в Ишиме. К рок-музыке это отношение не имело, поскольку

а/ журнал предполагалось делать локальным, т.е. городским

б/ рок-музыки к тому времени в Ишиме не было

Вообщем, на одном дыхании было сделано два номера в количестве пяти экземпляров, которые имели широкое хождение в близких к покойному кругах. Да, к покойному, ибо третьему номеру не суждено было появиться. Он был запланирован, и я даже написал для него обзорную статью о тюменском рок-фестивале 1987 года. Ей дело и закончилось. Почему? Убей Бог, не помню! Но наверняка знаю, что упомянутое уже распиздайство Петра сыграло немаловажную роль...

Потом был период... другой какой-то... Если и всплывали разговоры об АНДЕРГРАУНДе, то, по большей части, ностальгические. Петр ударился в писательство, потом в налаживание контактов с границей, потом в свои фотографические проекты /коих было множество/, а я сторожил каменных истуканов в ДХШ и сочинял хуевые песенки для такой же детской группы "Робинзон". Так продолжалось года два... За это время, правда, родилась /и умерла/ идея выпуска другого журнала - "КОРКИНСКАЯ СЛОБОДА". Почему разонравилось предыдущее название - и не упомяну. Но вот фрагмент интервью, данного экс-редактором АНДЕРГРАУНДа корреспонденту местной гозеты:

Вопрос: - Чем же КОРКИНСКАЯ СЛОБОДА будет отличаться от АНДЕРГРАУНДа?

Ответ: - Мы намерены делать журнал без жанровых границ, журнал в поиске, в движении, журнал-хамелеон, если хочешь. Это не говорит об отсутствии у редколлегии своей постоянной платформы. В данном случае ей будет ПОЗИЦИЯ. Хотя круг интересов КС определен, я не знаю, что привлечет наше внимание завтра... Будь это вопросы буддизма, проблемы юриспруденции и т.д. - все это, несомненно, найдет отражение и в журнале, Видимо, номера будут достаточно отличаться друг от друга. Вместе с тем, мы планируем и ряд постоянных рубрик, которые с той или иной периодичностью будут появляться на страницах КС.

Дальше этого интервью дело не продвинулось...

А потом появился ЦИКАБАНК. Попутно ожила идея АНДЕРГРАУНДа. И вот в феврале 1991 г., затарившись подаренным американцами диктофоном, фотоаппаратом, спиртным и гитарами, мы поехали в Тюмень на фестиваль "Белая поляна". Предполагалось по итогам вояжа сделать очередной номер. О выступлении ЦИКАБАНКа - отдельный разговор. Петр фотографировал, я интервьюировал всех, кто попадал под руку /как оказалось, хороших все людей/. Материала набралось много. По приезду домой я быстро привел в божеский вид интервью и отдал их Петру для ознакомления. Было обговорено, что Петр напишет для журнала вступительную статью и еще что-то, так и оставшееся для меня загадкой... Рождение статьи Малыш Пит все откладывал и откладывал, несмотря на мои "доставания": то времени нет, то настроения... Потом, когда повторяться стало неловко, заявил, что подготовленный мной материал плохой, что Ромыч - позер и ... журнал я доделывал один. Все, что привнес в него Петр Земляных - его собственная сказка, красивая и грустная. Позже я узнал, что из экземпляра, который я подарил Петру, сказку он удалил. Это было его правом.

Все остальное помнится хорошо. Номера 6 - 10 делал практически один. Что до Петра? После 1991 года мы как-то разошлись с ним. Дело не только и не столько в журнале... Пошли разными дорогами. Петр поверил в Бога. Да не как все, а с челобитием. Мне страшно это превращение. Хотя, вроде бы, все нормально. Но как-то не то, НЕ ТАК... Встречаемся редко.

* * *

" Большинству ишимцев значение слова "андерграунд" неведомо.

/Что это за андерграунд? Чего про него так много говорят?/ Какой-нибудь шустрый малый из интеллектуального меньшинства, дернув губой, заметит:

- Ха, да это же американская подземка.

И будет прав лишь наполовину, поскольку имеет в виду метро. Мы же вместо слова "подземка" используем слово ПОДПОЛЬЕ в его революционном значении.

- Андерграунд!? - тут же завопит идеологически закованный эрудит. - Да это же...это же... Долой!

К несчастью, и у этого эрудита все знания почерпнуты из одиозной книжицы не менее одиозного автора, в которой андерграунд иллюстрируется примером порнографического фильма, где на протяжении двух часов /автор клянется, что видел сам, своими двумя глазами/ жирные мухи лениво ползают по разверзнутым и залитым спермой женским гениталиям. Вот только очень похоже, что фильм этот является плодом сексуальноизвращенной психики самого автора. Мы же вас успокоим /или огорчим?/: ничего общего с порнографией наш журнал не имеет и иметь не собирается /при условии, что нормальный половой акт между одним мужчиной и одной женщиной - это не порнография/.

Мы исходим из того, что вершиной андерграундного искусства является "Мастер и Маргарита". Это тот алмаз, который, вырвавшись из подполья, освещает нам дорогу наверх тысячами своих сверкающих граней.

ВПЕРЕД, ЧИТАТЕЛЬ ! "

/из "ПРЕАМБУЛЫ /к выходу первого номера АНДЕРГРАУНД/"

АНДЕРГРАУНД N 1

1986 г.

27 м.п. страниц, тираж - 5 экз.

Содержание:

- Преамбула /к выходу первого номера АНДЕРГРАУНД/
- Мишел. О проблемах рок-переписки
- Малыш пит. Триппер /из рассказов парня с честными глазами/
- Малыш Пит. Полеты наяву /одноактная пьеса/
- Наши публикации: БГ. Стихи
- Малыш Пит. Размышления над фундаментом дворца культуры
- АНДЕРГРАУНД в гостях у РОКСИ: П.Ржевский. Золотое подполье
- Рубрика всякой дряни
- Несколько цитат, призванных заставить подумать поспешившего нас осудить

АНДЕРГРАУНД N 2

декабрь 1986 г.

25 м.п. страниц, тираж - 5 экз.

Содержание:

- Информация к размышлению: проект первого "рок-фестиваля" в Ишиме
- Мишел. Тайна закрытой двери
- Малыш Пит. Спасите парня! Чего вам стоит?!
- Отец Михаил. Записки делегата
- Малыш Пит. Письмо в редакцию
- Наши публикации:
  - а/ Раскачивая Запад русским битом
  - б/ Р.Уотерс. Возможные варианты твоего прошлого. Один из немногих в/ БГ. Тексты песен из спектакля "Прощание в июне" Свердловского ТЮЗа
  - г/ И.Стравинский
- Всякая дрянь
- Новогодние поздравления АНДЕРГРАУНДа
- Послесловие редактора

* * *

Первые блины. Наивное в своей искренности и крутизне "средство от плесени мозгов"^. Тем не менее, люди из "органов" крепко взялись за тогдашнюю супругу // Малыша Пита. Было тревожно. Мания преследования одно время овладела подпольными издателями...

АНДЕРГРАУНДа N 3 нет в природе. Существует **АНДЕРГРАУНД N 4**. Один единственный экземпляр его включает в себя сказку и праздничное поздравление - подарок Петра Земляных его любимой женщине...

* * *

АНДЕРГРАУНД N 5

март 1991

65 м.п. страниц. Графика, фото.

Тираж - 22 экз. /10 оригиналов и 12 номеров без ф/части и графики/.

Содержание:

- Что-то типа редакционной статьи
- ПИФАЙФ /интервью с участниками группы/
- Интервью с Кириллом Рыбьяковым /КН/
- Интервью с Диком
- Интервью с Борисом Рудкиным и Борисом Усовым /ШУМЕЛАЪ ЪМЫШЬ/
- Филипп Альтман. Явление Федора и Идеи Чуч-хе на берегу голубого Затона
- Свои? В кругу панков? /интервью с Романом Неумоевым/
- Культурная Формация ФРАНЦУЗА и ОБОРМОТОВ /Авторизованная биография. Стихи/
- Разговор Р.Неумоева с группой ЦИКАБАНК

Первый журнал, оснащенный фирменной обложкой, фотографиями и рисунками /Рудик/. Этот номер стал, наверное, самым скандальным из всего "андерграундного" наследия. Во многом благодаря интервью с Ромычем, которое где только ни перепечатывалось! /КУКИШ, ШУМЕЛАЪ ЪМЫШЬ, ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД и др./. Ходили даже разговоры, что Илья Смирнов, крепко задетый грубыми нападками на него Неумоева, подал в суд /на кого конкретно - мне неизвестно/. Вероятнее всего, это "утка", но номер этот, отосланный в Москву Усову и разошедшийся там в ксерокопии, сыграл, как мне кажется, значительную роль в дальнейшей судьбе и самого АНДЕРГРАУНДа, и группы ЦИКАБА /тогда еще - ЦИКАБАНКа/.

* * *

АНДЕРГРАУНД N 6

май 1992 г.

44 м.п. страницы. Фото /ксерокс/. Тираж - 30 экз.

Содержание:

- Редакционная статья
- КООПЕРАТИВ НИШТЯК. Готика
- Ништяк в Ишиме /интервью с КН/
- Альбомуграфия Кирилла Рыбьякова сотоварищи
- Наталья Рэй. Стихи
- ЦИКАБАНК. По свежему следу /попытка бескровного анализа/
- М.Бардин. Стихи
- Из закровов:
  - а/ Да здравствует рок-н-ролл или Сейшн в кругу переодетых козлов
  - б/ Интервью с Майком 8.7.1988 г.
- Музыкальные новости Ишима
- Похороны именинника

Номер этот был рожден под впечатлением первого приезда в Ишим группы КООПЕРАТИВ НИШТЯК, где на студии "Цикаба" ребята записали свой альбом "Готика". Запись, надо сказать, получилась слабая по причине нашего общего невруба /моего - точно!/ в вопрос "что есть звук /саунд/ в панк-роке?". Интервью же с КН - достаточно живое и интересное. Забавная ретроспектива о фестивале в Тюмени /1987 г./: ИПВ, АЛЬ-ДЖИХАД... Известное интервью с Майком Науменко, взятое моим давним приятелем Сашей Филимоненко /Хабаровск/ во время турне ЗООПАРКа по Дальнему Востоку.

Номер без претензий на...

* * *

АНДЕРГРАУНД N 7

декабрь 1992 г.

50 м.п. страниц. Фото /ксерокс/, графика. Тираж - 18 экз.

Содержание:

- Редакционная статья
- Золынь унд Зольдаты или Резня по дереву /интервью с КН/
- Интервью с Джеффом и Джексоном
- Мерзилка /психиатрическое и панатомическое лит-приложение к журналу/:
  - а/ Д.Гнойс, Ч.Склепперсон. Поганая повесть
  - б/ Жилкин Вл.Вл. Стихи
- Подлая ночь ЦИКАБАНКа
- М.Бардин. Стихи
- Из закров: "Юлдуз Ньюз" N 2 /1992 г./фрагменты/
- Магнитом по Записям:
  - а/ КООПЕРАТИВ НИШТЯК - Мутабор
  - б/ КООПЕРАТИВ НИШТЯК - Золынь
  - в/ УМЕР - Рыбы глаза
  - г/ ХУЙ ЗАБЕЙ - Говна самовар
  - д/ Яков АФАНАСЬЕВ - Итак
- Яков Афанасьев. Стихи
- Чеслав Милош. Песенка о конце света

Замечательная, самобытная "Поганая повесть" с не менее замечательными рисунками Рудика. Украшение Журнала! Первая попытка рецензирования м/альбомов и скандальное интервью с безумным КООПЕРАТИВОМ НИШТЯК. И пошло гулять это сумасшествие по умам читателей! Велика Русь богохульством!

* * *

АНДЕРГРАУНД N 8

июнь 1993 г.

31 м.п. страница. Компьютерный набор. Фото /ксерокс/, графика /ксер./ Тираж - 50 экз. /+ 10 экз. без ф/части и графики/.

Содержание:

- Редакционная статья
- Интервью с Петром Земляных
- Русские инородные сказки. Интервью с Михаилом Зуйковым
- М.Зуйков. Стихи
- Умные мысли
- Александр Михельсон. Стихи
- Из закров: О "голубой" сущности Христа /"На Обрывках" N 3'93 г./

N 8 являет собой мои религиозные искания. Я назвал его антихристианским. Журнал "плакатный", спорный. Он отражает тот необходимый период в моем творчестве, когда я, не принимая религию внешнюю /литература, церковь, обряды/, боролся с ней прежде всего в самом себе.

Было время, когда я пытался поверить. Но поскольку фанатизм мне не свойственен, я глядел на религиозный мир, окружавший меня, достаточно трезво. Прочтение Библии и несогласие с рядом моментов /особенно в Ветхом Завете/. Большевицкий напор местных сектантов /приходилось сталкиваться и с ними/. И Наконец - конкретные кадры нашей церкви - Богоявленского собора. Люди, многих из которых я не уважаю. Все это привело к отторжению мною церкви. Все это не могло не отразиться в стихах, статьях песнях.

Компетентные в вопросах рок-журналистики люди хорошо приняли этот номер. Я им тоже доволен. Кстати сказать, стараниями упомянутого уже Эда Ленкина, это - первый опыт компьютеризации АНДЕРГРАУНДА. Правда, из-за сложностей с изготовлением тиража этот номер попал в руки читателей с почти годичным опозданием. Увы.

* * *

АНДЕРГРАУНД N 9

март 1994 г.

46 м.п. страниц. Фотографии, графика. Тираж -

- К читателям
- Безумству храмов поем мы песню. Открытое письмо
Михаила Зуйкова в "Эн-ск".
- Судьба барабанщика. /Интервью с А.Андрюшкиным/
- Ишимские ноктюрны
- Про Михельсона. Краткая и душераздирающая история его беспросветной,
корявой и героической жизни
- А.Михельсон. Стихи
- Романсы Неумоева
- Б.Андрич. Все что нам нужно
- Обыкновенная история
- Д.Милль. О свободе
- М.Зуйков. Стихи
- Магнитом по записям:
  - а/ ЗАЗЕРКАЛЬЕ - Все золото мира
  - б/ ЗАЗЕРКАЛЬЕ - Джизус Крайст - Суперстар
  - в/ КН - Венок на бледный лоб Диониса
  - г/ ФРАНЦУЗ и ОБОРМОТЫ - Похмельное лето
  - д/ ФРАНЦУЗ и ОБОРМОТЫ - Потанцуваем вейва
  - е/ ЦИКАБА - Черновые мысли /Стихийный триптих/
  - ж/ ЦИКАБА - Евангелие от фонаря
- С.Кьеркегор. Мгновения

Этот номер являет собой нечто среднее между "музыкальным" N 5 и "естествоиспытательским" N 8. Я не знаю реакции читателей, поскольку в момент написания этого материала N 9 находился "в стадии размножения" /читай - в макете/. Можно предположить негативное отношение поклонников ИПВ к статье "Романсы Неумоева", можно увидеть улыбку на лицах при знакомстве с перлами А.Михельсона... А может, я и ошибаюсь...

* * *

Надо признаться, когда-то я считал журнал АНДЕРГРАУНД всего лишь приложением /дополнением/ к творчеству группы ЦИКАБАНК /ЦИКАБА/. Наверное, так это и было. Концерты ЦИКАБА, фестивальные поездки, запись альбомов /своих и чужих/ - все это давало возможность встречаться с незаурядными людьми, подпитываться информацией, энергией. А это и явилось пищей для АНДЕРГРАУНДа. Сейчас ситуация немного изменилась...

В сентябре 1994 г. группе ЦИКАБА исполнилось четыре года. Тоже юбилей. Ну, и как принято в таких случаях, следовало бы тиснуть в АНДЕРГРАУНДе здравицу, опубликовать биографию и т.п. Однако, в истории ЦИКАБА отсутствуют какие-то пикантности, повороты судьбы. Нас не трясла госбезопасность, нам не ломали ребра в темных подъездах, не выгоняли с работы. На удивление, жизнь ЦИКАБА протекала ровно и беззаботно. Было и есть на чем играть, где играть, что играть. Чего еще желать? Я уже свыкся с мыслью, что наш ангел-хранитель очень ответственен за порученное ему дело. Писать об изменениях состава скучно. И я решил ограничиться

подробной альбомографией группы с краткими комментариями. Так оно будет правильнее.

Итак, журнал АНДЕРГРАУНД представляет:

А В Т О Р И З О В А Н А Я   А Л Ь Б О М О Г Р А Ф И Я

Ц И К А Б А

Ц И К А Б А Н К

- ЧЕРНАЯ ПОЛОСА -

1. Предисловие к...
2. Цивилизованный мир
3. Страх
4. Хоть в Бога, хоть в Черта!
5. Слава КПСС
6. Пора улетать
7. Черная полоса
8. Постскриптум: Доброго сна

Все песни - М.Зуйков
Аранжировка - ЦИКАБАНК
А.Зверев - бас, вокал
С.Глухих - клавиши
Д.Щеголев - эл.гитара
И.Семенищев - барабаны, флейта /7/, гитара эл., перкашн
Е.Знобишин - перкашн, барабаны /8/
М.Зуйков - основной вокал, гитара

Записано студией "Робинзон" в 1990 г. Звук - А.Зверев

* * *

Назвать альбомом эту подборку песен трудно. Слишком они все разные - по духу, по стилю... Опять же, состав - левый. За свой вокал в некоторых песнях стыдно. По качеству звука - неплох, т.к. писали практически "вживую".

Надо сказать, название ЦИКАБАНК появилось уже после записи этих песен.

* * *

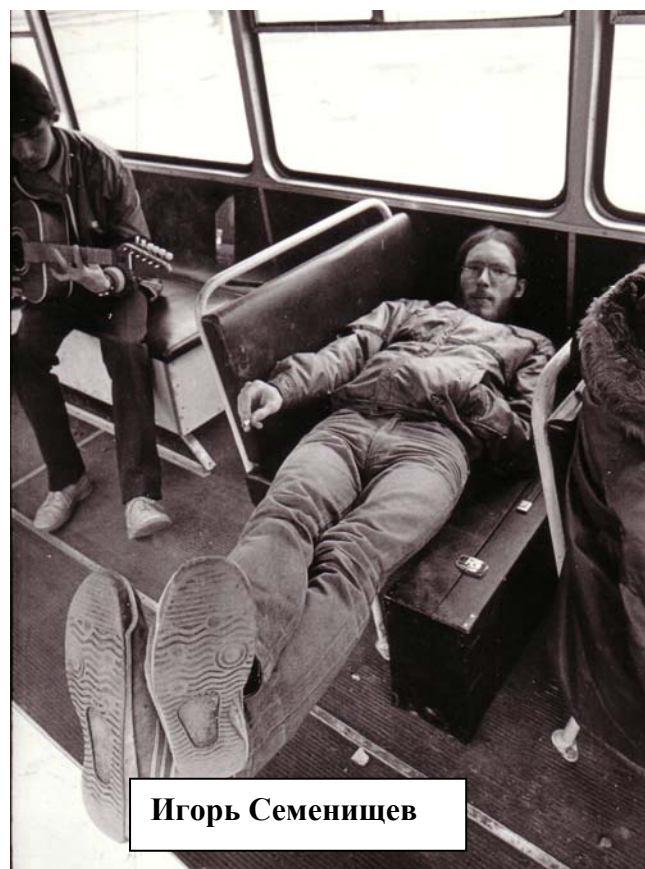
Ц И К А Б А Н К

- ПО СВЕЖЕМУ СЛЕДУ -

1. Летим со мной
2. Фрагмент N 1
3. На Север
4. Черная полоса
5. Пора улетать
6. Фрагмент N 2
7. Черный вальс
8. По свежему следу
9. Моя недопетая песня

Все песни - М.Зуйков
Аранжировка - ЦИКАБАНК
Д.Куриянов - скрипка, клавиши, бас,
перкуссия, подпевки
+

Зверев А. - бас /1/,
Глухих С. клавиши /1/, Щеголев Д. - гит. /1/
И.Семенищев - барабаны, флейта
М.Зуйков - вокал, гитары, бас /3,4,7/
Записано в студии "Цикабанк" зимой 1992 г.

Игорь Семенищев

* * *

Этот альбом мы с Китайцем записывали практически вдвоем / + помощь Игоря Семенищева, случайно свалившегося на наши головы - прямо из Риги/. Отсюда много наложений по записи, что явно сказалось на звуке. Хреновый звук. Пара старых вещей, переаранжированных и лучше спетых. "Летим со мной" записана еще предыдущим составом. На ней мы наложили вторые голоса, перкуссию и губную гармошку.

Материал явно лучше. Ощутимы поиски своего лица. Есть сильный номер - "Черный вальс".

* * *

Ц И К А Б А ' Н К

- ПРИЧУДЫ ОБУГЛЕННЫХ ПАЛЬЦЕВ -

1. Проводы
2. Катюша
3. Прятки
4. Мосты в никуда
5. Не улетай
6. Любовь
7. Полюшко-поле
8. Снег
9. Метель
10. Болезнь
11. Стань выше
12. Дорожная
13. Колыбельная
14. Вчера

Все песни - М.Зуйков

Аранжировка - ЦИКАБА'НК

Д.Куприянов - клавиши, бас, скрипка, вокал, коса

А.Андрюшкин - барабаны

М.Зуйков - основной вокал, гитары, домбра

Звук - ЦИКАБА'НК, Сергей Жидов

Записано в ноябре-декабре 1992 г. на студии "Цикаба'нк"

Александр Андрюшкин

* * *

Один из лучших альбомов ЦИКАБА. Звук неважный /причины те же/. Много акустических песенок. Хорошие, продуманный аранжировки. Классные басовые партии. Общее настроение - тяжелое, беспросветное. Первая запись с Сашей Андрюшкиным.

* * *

Ц И К А Б А

- РУССКИЕ ИНОРОДНЫЕ СКАЗКИ -

1. Вступление
2. Любовь
3. Марш N 1 /Алиса в стране чудес/
4. Звезда
5. Прекрасное время
6. Убить жида
7. Выход
8. Медное царство
9. Больно
10. Морозко
11. Марш N 2 /Игрища старых гоблинов/
12. Евангелие отказников
13. Счастье

Все стихи и песни - М.Зуйков /кроме N 6 - Р.Неумоев/

Аранжировка – ЦИКАБА

М.Зуйков - вокал, гитары

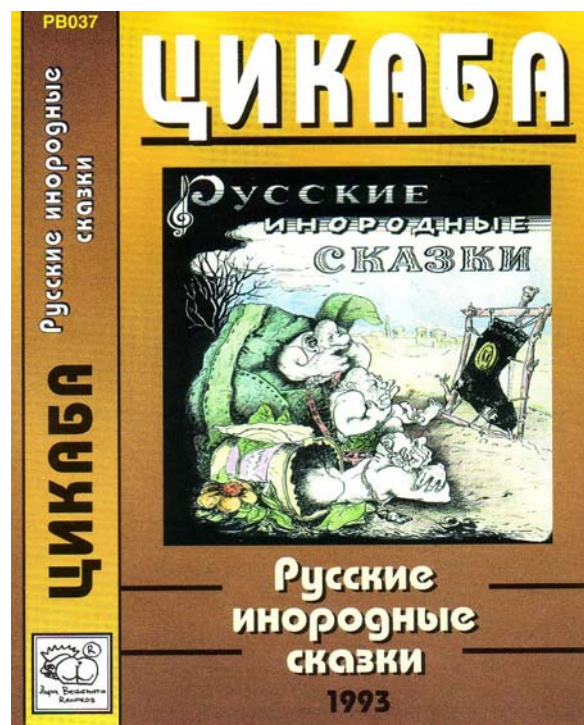
Д.Куприянов - бас, скрипка, клавиши, гитара, подпевки

А.Андрюшкин – барабаны

+

С.Жидов - Барабаны /11/

В.Осанов - подпевки /9,10/

Записано в студии "Цикаба" весной 1993 г.

* * *

Наверное, самый "раскрученный" альбом ЦИКАБА.

Неплохо записан. Хорошая подборка: и лирика, и очень энергичные номера. Всего в норме. Красивый альбом.

В первый /и на сей день, последний/ раз мы рискнули записать не свою песню. Правда, шикарная аранжировка сделала "Жида" практически неузнаваемым по сравнению с оригиналом.

Ц И К А Б А

- ЧЕРНОВЫЕ МЫСЛИ / СТИХИЙНЫЙ ТРИПТИХ / -

Вступление

Часть 1. Евангелие от фонаря

Часть 2. Владимир Ленин

Часть 3. Клаусу фон Штауффенбергу посвящается

Лирика - Михаил Зуйков /кроме "Мессия", "Мессия N 2" - А.Михельсон/.

Читает автор.

Музыкальная часть: И.С.Бах, Р.Фрипп, С.Прокофьев, Дэд Кэн Дэнс, Ф.Шуберт, Т.Рипдел, Г.Свиридов, Свонс, сакральная музыка тибетских монахов, П.Чайковский, Д.Шостакович, И.Дунаевский, Гендель, А.Александров, П.Чесноков, И.Соколовский, Э.Колмановский, М.Чэпмен и др.

Звук - М.Зуйков, В.Фуртаев

Записано 6 ноября 1993 года в студии "Цикаба".

* * *

Глоток поэзии.

Ох, и сложная это штука
читать /декламировать/
стихи. Даже свои.

Альбом продолжает
традиции КОММУНИЗМа,
ДК. Идея радиотеатра
жива! Идейно работа эта
близка к нашему
следующему
альбому - "Евангелие от
фонаря".

На фото: ЦИКАБА-94

ЦИКАБА

- ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ФОНАРЯ -

1. Безумство. Часть 1
2. Голод
3. Третий Рим
4. Синюшкин колодец
5. Безумство. Часть 2
6. Весна
7. Сын блуда
8. Ревность /Ева Браун/
9. Гимн обманутых масс
10. Во поле береза стояла
11. Лихо
12. Любовь двух выхухолей

Все песни - М.Зуйков

ЦИКАБА:

М.Зуйков - лидер-вокал, гитара

Д.Куприянов - лидер-гитара,
скрипка, клавиши, вокал

Павел Харгинен - бас, гитара, вокал

Игорь Семенищев - барабаны.

Спасибо: Егору Коробейников, Игорю "Пупе" Губанову, Вячеславу Фуртаеву
за голоса; Сергею Позднякову - за
оперативную работу.

Кавер-дизайн и название альбома - Хой Сунь-вынь
Записано в феврале 1994 г. в студии "Цикаба"

* * *

Антихристианские умонастроения периода создания
АНДЕРГРАУНДА N 8 вылились в энергичные, воинственные песни.
Много драйвовой гитары, предельный вокал... Очень странные
барабаны.

Спорная работа. Временами я доволен и горд сделанным.
Этапный альбом.

ЦИКАБА

- ОСКОЛКИ -

1. Безумство. Часть 3 /93/
2. Черный вальс /91/
3. Зависть /93/
4. Аквариум /94/
5. Гадания /92/
6. Кровавая Пасха /94/
7. Молчание-золото /94/
8. Безумство. Часть 4 /93/
9. Паяц /92/
10. Снег /92/

Все песни - М.Зуйков

Аранжировка – ЦИКАБА

Д.Куприянов - клавиши, скрипка,
бас /3,5/, лидер-гитара

П.Харгинен – бас

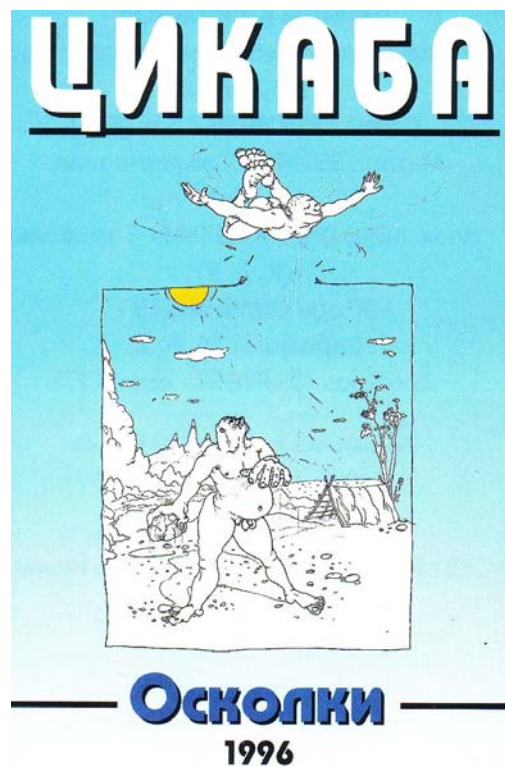
А.Андрюшкин - барабаны /3/

И.Семенищев - барабаны /4,6,7/

М.Зуйков - вокал, гитара

А.Зверев - ак.гитара /2/

В.Фуртаев - подпевки /7/

Записано в разное время с 1991 по 1994 г. в студии "Цикаба"

(p) 1994 г.

* * *

Сборник студийного материала, не использованного нами ранее по разного рода причинам.

Никакой концепции. Действительно, разнесенные по полю сомнения ветром случайные осколки.

Немного ностальгическая работа.

* * *

Б.РЕБРОВ. СТИХИ.

* * *

Как ногти мертвому телу
царапаться в божьей запазухе
с братьями-сестрами
Как сорок пронзительных дней
стругать поминальную лесенку
на одноглазое небо
А солнышко косится к западу
и вольные рыбы давно отметали зерно
и умылись землей
зажмурились...
Завидуя птицам и ангелам
врастая в белье похоронное
двенадцать стреноженных месяцев
паслись на планете Земля

Россия

Бараки тифозной любви
построены намертво
Бараки тифозной любви
пройдут сквозь года и хеопсы
и их часовые
покроются сыпью
как неувядаемой славой
Да здравствует потусторонняя Родина!

* * *

Где ты, бродяга, гвоздями убитый?
Они коронуют тебя суетой
и вновь приколотят на крестике быта
во имя любви и свободы святой

* * *

Звезды падали потные
понимания в людях ища
Наши ангелы подлые
повернули хребтом натошак
Зычным голодом славилась
позабывтая богом страна
Человечки больные и слабые
веселились на похоронах

* * *

Погибал от смерти
мальчик-с-пальчик в лошадином ухе
Веселились черти
на поминках погудеть слетались мухи
Ослабел Каурка
от игры старинной некуда деваться -
заблудился в жмурки
что ему теперь до приживальца?...

* * *

Во времена Отечественной Дойки
ныряют звезды в цинковые ведра
и тонут в молоке парного счастья
совсем по-глупому
Старухи их вылавливают пальцем
и что-то бормоча себе под ноги
несут в осиротевшую избу

1994 г.

* * *

Кто-то умный сказал однажды: куда идешь, там и будешь. В справедливости вышеприведенной фразы мне приходится убеждаться на собственном опыте. Примеров тому было много. Вот один из последних. Года два назад во мне зародилась идея взять интервью у Константина Рябинова, Кузи Уо - человека, сыгравшего значительную роль в становлении ГО, КОММУНИЗМА... Не у Летова, как ни странно, а у Кузи Уо, личности для меня более загадочной, нежели Егор. Идея росла, крепла, но наши с Костей пути-дороги как-то не пересекались, несмотря на близость Ишима и Омска. Время шло... Окончательно похоронил мою идею Джефф, сказав как-то, что Кузьма очень трудно идет на интервью. Ну, не судьба, видимо, подумал я. Прошло еще немного времени...

В июле 1994 г. группа ЦИКАБА посетила столицу на предмет записать свои музыкальные творения в студии "Мизантроп", что на Остоженке. Об этом творческом десанте мы поговорим как-нибудь особо... Так вот, я несколько не удивился, когда в один солнечный день на огонек в студии заглянул К.Рябинов, который в это время тоже находился в Москве и вышел из дома, по его словам, "купить папирос и хлеба".

Был организован традиционный чай и не менее традиционная "Столичная".

Вопряки прогнозам Джеффа, Костя оказался разговорчив, добр, душевен и очень даже положительно встретил появление на столе диктофона. Беседа /или, если хотите, интервью/ затянулась далеко за полночь...

ИНТЕРВЬЮ С КОНСТАНТИНОМ РЯБИНОВЫМ

Михаил Зуйков /далее М/: - Чтобы войти в разговор, я расскажу сейчас такую вот историю. Как-то после концерта ЦИКАБА в Тюмени я оказался в гостях у моего институтского товарища Сейшна. Естественно, пили водку. Но не под гитару, как обычно, - потому что гитары в этот раз не было - а под стихи! Просто в руках оказался только что выпущенный сборник стихов Летова, Янки и Кузи Уо. Так вот, выпивали рюмку за рюмкой и читали вслух стихи. И было в кайф! Потом я сделал вывод: лучше всего пилось под произведения Константина Рябинова! Правда, жена Сэйшна, поначалу обрадованная таким поворотом дела - никто не шумит, не поет, соседей не беспокоит! - через некоторое время тихо охуела от услышанного, сказала: "Сколько же можно?!" и т.п. Теперь вопрос: стихи К.Уо, наверное, написаны тоже по-пьяни?

Константин Рябинов /далее - К/: - Нет! Ни одного. Я под "этим делом" вообще ничего не могу написать. Пробовал. Прихожу домой, беру ручку... А-а-а, сейчас я!!! бррр...дззз!!! Утром просыпаюсь. !!! Просто невозможно читать!

М: - Кстати, обращение "Кузя Уо" для тебя не обидно?

К: - Да как-то так...

М: - А почему УО ?

К: - Звукосочетание нравилось - две гласных подряд...

М: - Что повлияло на такую вот, на мой взгляд, очень интересную и своеобразную манеру стихоизлияния? Были ли какие-нибудь аналоги ?

К: - Наверное, Хармс и Введенский, которого я очень! Но эти аналоги я нашел много лет позже. А когда я писал свои стихи, я этих людей просто не знал. Я не вру! Мои первые творения появились в 1984 году, а Хармса я прочитал уже в году где-то в 1987. А до этого я вообще не читал никакую поэзию. Я думал однозначно: если уж писать стихи, то надо писать такие, что вообще! Вот если в музыке есть понятие "панк"... Музыка – это одно. Для меня вообще существует очень четкое разделение: стихи и музыка. Я не могу сопоставить одно с другим. Ерунда получается. У меня, во всяком случае... Т.е. если я пишу стихи, музыку на них я придумать не могу, хорошую музыку. А если я пишу музыку, то не могу придумать на нее хорошие стихи.

М: - Значит, тот метод, когда слово вытягивает музыкальную фразу и наоборот тебе не свойственен?

К: - У меня он отсутствует.

М: - А вообще какой-то метод сочинения у тебя есть? Кухня поэтическая?

К: - Ну, вот я знаю, что многие поэты свои стихи потом дорабатывают. А я этого делать не могу, в принципе. Я пишу сразу - строчку за строчкой все стихотворение. Потом перечитываю и при этом могу изменить... ну, одно слово. Вот Летов, например, меняет очень много. Написанный однажды его стих через некоторое время преобразается, и потом может еще измениться. Но в конце концов, конечно, получается хорошо! У меня так не выходит. Если написал - то все.

М: - Чья была идея - выпустить сборник стихов?

К: - Это идея Летова. Издательство "Автограф". Тираж 3 тысячи экземпляров. Я до последнего уклонялся от напечатания из-за якобы имеющихся в моих стихах недостатков... Но на самом деле стихи хорошие. Гениальные!

М: - Очень много опечаток.

К: - Количество опечаток после советской власти растет и растет! Через некоторое время просто начнутся правила другие, насколько я понимаю. Безобразие! Какой-то дурацкий процесс!

Опечатки в стихах просто невозможны! Это

абсолютно исключено. Представьте - опечатки в стихах Пушкина? А они скоро будут!

М: - Костя, что для тебя легче - спеть или прочитать вслух стихотворение?

К: - Легче спеть. Читать стихи гораздо сложнее. Хотя писать стихи... не то что проще - естественнее, чем тексты.

М: - А вот проект КОММУНИЗМ - это твоя идея?

К: - Нет, изначально КОММУНИЗМ - идея Летова и Манагера - Олега Судакова. Я в то время как-то был в стороне от ГО, от музыки... по-моему, на заводе работал... Не помню уже... Летов с Судаковым взяли готовую запись "Воздушная кукуруза" и /поет/ Кукуруза, кукуруза ты воздушная!... Это было толчком. Потом у них все раскрутилось, как будто выпустили джина из бутылки - БАММ!! Появились другие идеи.

М: - Тем не менее, после прослушивания всего КОММУНИЗМА, который мне рекомендовали настойчиво... Надо сказать, первые альбомы не вызвали у меня желания продолжать Знакомство с КОММУНИЗМОМ...

К: - Понимаю, понимаю...

М: - Тем не менее, я прослушал все! И сделал вывод: от альбома к альбому твое влияние в КОММУНИЗМЕ чувствуется все сильнее и сильнее.

К: - Конечно! Я принимал в реализации этого проекта очень активное участие. Первые альбомы... Кто во что соответственно контексту горазд! Очень много проходных вещей, дурацких, идиотских! Даже целые альбомы

К.Рябинов и Е.Летов

есть. На мой взгляд. Но идея была абсолютно верная! И КОММУНИЗМ N 14 - "Хроника пикирующего бомбардировщика" - оттуда уже нельзя выбросить ничего. Очень цельный альбом!

М: - Монолитный альбом! Только почему же "100 лет одиночества" добита песней "Туман" из "Хроники..."? Что, пластиночного времени не хватило?

К: - Нет! Это сделано абсолютно намеренно. Одно вытекает из другого. Необходимо и достаточно. Вообще, КОММУНИЗМ - проект очень честный и, наверное поэтому, непрофессиональный, дилетантский несколько. В том смысле, что дилетантизм здесь выступил в роли честности, безо всяких оглядок. И не надо править честность, это – бесправная такая честность

М: - В обширнейшем творчестве ГО, КОММУНИЗМА есть песни, целиком написанные тобой?

К: - Ну, какие-то ранние... "Мама, бя", "Про собаку", "Говна-пирога"...

М: - А кто автор песни "Эй, бабища, блевани"?

К: - Музыку процентов на 90 написал я, а текст - вместе с Летовым, пятьдесят на пятьдесят. Многие вещи написаны совместно с Летовым. В 84/85 годах.

М: - Этакий феномен "леннона/макартни"!

К: - В 1987-1989 годах доля моего участия в написании песен ГО стала гораздо меньше. А в 1990 году был "Прыг-скок", я вообще отсутствовал в это время. Далее, "100 лет одиночества". Это 1991-1993 гг. Считаю свое участие на этом альбоме ощутимым, несмотря на то, что вся музыка и почти все слова летовские. Но мы писали все это, в принципе, вдвоем. И за этот альбом я несу ответственность наравне с Летовым. Я считаю, что это наш лучший альбом! Сомневаюсь, что можно сделать что-то глобальнее. До сих пор сомневаюсь, пока мы не начали записывать нечто новое.

М: - Давай поговорим о советских песнях, которые, как я знаю, ты очень любишь.

К: - Хорошие песни. Я к ним всегда относился... Это очень профессионально. Эти песни писали и исполняли сильные люди, потому что слабости с их стороны не могло быть! /что в последнее время наблюдается среди музыки/. Цвет русской культуры.

М: - То есть, к Союзу композиторов, насколько я понимаю, ты относишься положительно!

К: - Союз композиторов? Положительно! Без союза композиторов если что-то и существует на данный момент, то это такая жопа! Конечно, и в этом Союзе было много всякой дряни, но вот против Таривердиева, например, я не могу сказать ни единого... вообще... Петров! Пахмутова! Очень хорошие вещи написали!

М: - От Союза композиторов проведу дорожку к худ.советам. Полезная вещь?

К: - Ну, извини меня, лучший наш ансамбль, я считаю, по всем статьям - ПОЮЩИЕ ГИТАРЫ п/у Анатолия Васильева пробился через все эти худсоветы. Вот это бриллиант!

М: - Не просто пробился, а еще и ШЕДОУС спел!

К /поет/: Па-да-да-да-да... Гениально! Это же вещь! ПОЮЩИМ ГИТАРАМ только за это можно "спасибо" сказать. Люди так сыграли! Что никакой там ШЕДОУС и рядом не стоял. Честно, по-настоящему сделали вещь. Уникальная вещь! Психоделия!

М: - Я ведь сам вырос на этой музыке, имел пластинки... А потом вдруг хватился, - а пластиночки-то куда-то исчезли. А вот у тебя - богатейший архив, как я слышал. Как удалось все это сохранить?

К: - Я эти пластинки бережно хранил подсознательно лет с двенадцати. Я понял, что это такие вещи, которые нужно хранить. И они сейчас у меня есть.

М: - Как ты относишься к кинематографу?

К: - Ну-у-у! Очень люблю! И Летов любит, а я люблю очень!

Всякое: дрянное, хорошее... Если говорить о периодах... Опять те же золотые 60-70-е.

М: - Любимый фильм?

К: - "Печки-лавочки". Шукшина очень люблю. "Калина красная". Тарковский, "Жертвоприношение"... А вообще, я могу написать 50-ку любимых.

М: - А в изобразительном искусстве есть любимые вещи?

К /долго думает/: - А! "Сосна" Шишкина. "На Севере диком" она называется. С детства люблю.

М: - В детстве ты был экстравагантным?

К: - Нет. Хотя... если это можно назвать экстравагантностью... Я закончил школу хуже всех. У меня было большее количество "троек". Я сам обалдел. А еще я учился в музыкальной школе на фортепиано два с половиной года. Мучился... Во втором классе меня оставили на второй год. Я все не мог понять, как надо правильно ставить руки... Какого хрена! Вообще не врубался! Как -то ко мне подошла учительница, взяла меня за плечи и сказала: "Костя, у тебя плечи широкие... Может тебе боксом заняться?" /смех/

М: - Естественно предположить твое отношение к классической музыке...

К: - К Классической музыке я начал относиться только года три назад. Естественно, положительно.

М: - А если поименно?

К: - Ну, обычный набор: Бах, Вивальди, Моцарт, Бетховен... Стандартно. Шнитке какого-нибудь не могу назвать. А может и не надо извращаться. Как Сергей Курехин изголяется. "Ах, ну что вы? Неоригинально! Что за рифма?" Он такой... охувший молодой человек. Сделал из себя манекен. Когда он бывает самим собой - никому неведомо. Вампир интеллектуальный. Как Шелленберг, который, услышав один раз фразу, ходил два месяца, а потом выдавал ее за свою.

М: - Ты мог бы рассказать о своих родителях.

К: - Вырос я в рабоче-крестьянской семье, в сталинские репрессии никто из моих родственников не пострадал... А вообще я не поддерживаю с ними никакой связи. Хотя помню и знаю. А матушка? Я приезжаю домой, ем борщ, разговариваем. Нормальная мама, нормальный папа. Матушка, не плачь по сыну, у тебя хороший сын!

М: - Твоя супруга - студентка?

К: - Да, была. Сейчас она закончила уже институт культуры по специальности, которую я никак не могу запомнить. Получила звание магистра. /смеется/

М: - А какова личная жизнь у Летова? Многие его представляют таким аскетом, целеустремленным.

К: - Игорь Федорович - семейный человек, можно сказать. У него жена Аня, два кота - Степа и Подстепий /смех/. Он живет в рабочем поселке с бабушкой. Матушка у него умерла в конце 80-х. Она была врачом-невропатологом.

М: - Сейчас, когда ГО выпускает пластинки, дает концерты, изменилась ли твоя жизнь в материальном плане?

К: - Каких-то материальных излишеств я вообще не чувствую. Их нет. Как я все время жил - так и живу сейчас. Когда я работал на заводе, у меня был такой же уровень жизни. С 1989 года мы начали гастролировать. Ничего не изменилось. Ни больше, ни меньше. Потом начали выходить пластинки. То же самое. И это очень хорошо. Я благодарен Богу, своему ангелу-хранителю за то, что они держат меня в этих рамках. У меня нет ничего лишнего - мне этого, видимо, и не надо.

М: - А музыкальные инструменты?

К: - Инструменты у нас есть. Не ахти, конечно. Но этого вполне достаточно, чтобы люди нас слушали. Конечно, если поставить задачу достичь этого псевдопопсового звука, который некоторые хотят слышать... Им музыка не нужна, им звук нужен! Пусть они слушают этот звук в другом месте. Нам он пока во вред. В армии я служил с человеком, работавшим ранее в ресторане. Мы играли с ним в вокально-инструментальном ансамбле, в солдатском. У этого парня пословица была: не имей Амати, а умей лабати! /общий хохот/

Манагер как-то рассказывал грустную историю, как он купил гитару "Музиму" и решил ее немного переделать. Отдал мастеру, у которого она затем прозябала целый год. Наконец мастер ее сделал.

**Е.Грехов, Е.Летов, К.Рябинов, Э.Лимонов
на первомайской демонстрации 1994 г. Москва**

Манагер, обрадованный, понес инструмент домой, но по пути зашел к Бэбику /Лищенко - прим.М./ и оставил гитару у него. В скором времени в этой квартире случился пожар, и гитара сгорела! Манагер ни разу на ней не поиграл. Остались одни

железячки. Манагер хотел их концептуально похоронить, поставить крест, написать "здесь лежит гитара"...

М: - Твое отношение к последним событиям в жизни ГО: "Русский прорыв" и связанные с ним скандальные акции?

К: - Я бы не называл их скандальными. Неожиданными скорее. Впрочем, нормальные события, потому что когда начинается нормальная жизнь, она уже становится скандальной.

М: - Чего ты ждешь от жизни?

К: - Долгой счастливой жизни.

М: - Дает знать о себе усталость?

К: - Да, за последние полгода я устал, но это пройдет. Честно надо уставать и честно от этого избавляться, отдыхать. Устал, устал, устал, устал совсем и умер /смех/. Кому это нужно?

М: - Какой в Питере резонанс после ваших июньских концертов?

К: - Очень такой... неоднозначный. Половина публики на концерте набралась настолько, что, извини за выражение, блевала все это время. Один мой знакомый говорил: "Я, конечно, не знаю, что такое ЛСД, но на вашем концерте я, наверное, полностью достиг эффекта. Там такая смерть летала над всеми!" А одна знакомая девушка... Я после концерта хотел с ней поговорить, а она заторопилась как-то вдруг странно. Я говорю: "Куда же вы?" А она, сбегая вниз по лестнице: "Мне пло-о-о-х-о-о!! Пло-х-о-о!!!" - "Почему?" - "Не зна-а-а-ю-ю-ю!!!" /общий смех/

М: - Я слышал, что в Германии скоро выйдут компакт-диски

ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ...

К: - Да, на фирме " ". Они уже выпустили ВОПЛИ ВОДОПЛЯСОВА, АУКЦИОН. А теперь собираются выпускать 11 наших компакт-дисков. Причем, "Прыг-скок" эта фирма ранее выпустила вообще пиратски, не согласовав с нами... Абсолютно другое оформление... И такой фон!... Дальше, видимо, будет то же самое. А вообще, самый демократичный носитель нашей музыки - компакт-кассета. Сейчас тиражированием записей ГО на кассетах собирается заняться Грехов.

М: - Я знаю, что свои альбомы и пластинки вы с Летовым оформляете сами. У вас за плечами какие-то "художественные основы"?

К: - Нет, ни в каких художественных школах мы не учились. Ну, уж если записали пластинку, то оформление к ней сделать сам Бог велел. Как может посторонний человек?.. Лучше самому. Это нормально. Вот только оформление пластинки "Все идет по плану", первой... Навалили там говна. Надо все менять. А остальные - хорошо.

М: - Омский журналист Сергей Синицин в одном из самиздатовских журнальчиков как-то упоминал о дневниках Летова. Они существуют?

К /с удивлением/: - Да ну!!! Летовских дневников нет! Даже если бы они и были, Летов никогда не отдал бы их какому-то там Синицыну. Это - ложь. Есть еще вариант - Синицын сам напишет "дневники Летова"...

М: - Костя, а у вас с Егором не возникало желания написать авторизованную биографию ГО? Или есть кто-то третий, способный сделать это?

К: - Такого человека нет. Мы в состоянии написать авторизованную биографию сами. Скорее, дискографию наиболее полную, со всеми ответвлениями, выходными данными, списком участников и т.п. Для этого не нужны люди, которые помнят больше, чем ты сам. Все, что я сделал, я помню. И за все, что я сделал, я несу ответственность. Как и Летов. А идея у нас была другая - сделать фильм. Приурочить его, допустим, к 10-летию рождения ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ. 8 ноября 1994 года исполнится 10 лет со дня основания ГО.

М: - Костя, как ты относишься к Судьбе?

К: - К судьбе я всегда отношусь благодатно. Я ни о чем не жалею...

М: - ...не зову, не плачу...

К: - Нет, я зову, я плачу, но я не жалею! И буду плакать, и звать, но жалеть не буду. Не хочу! Я всю жизнь свою попадаю в такие передрыги!... В армию я пошел - какого хрена?!

М: - В армию тебя упекли, по версии Летова, или ты сам?

К: - 25 декабря 1983 года у меня пошел срок. Судимость. Три года условно с отсрочкой приговора на два года. Там было дело... 24 декабря 1985 года все эти сроки истекли, а 25 декабря мне пришла повестка из военкомата, и меня забрали в армию, очень быстро. Видимо, сыграла роль моя музыкальная "деятельность".

М: - А эти разговоры о давлении госбезопасности на ГО в те годы не раздуты? Все так и было на самом деле?

К: - Я помню день 29 ноября 1985 года, когда эти люди приехали ко мне... Все было очень серьезно. Я струсил. Все струсили.

М: - Как ты относишься к религии?

К: - Не могу сказать, что я верю беспробудно, безоглядно и беззаветно, как должно этому верить. Просто верю, да и все. По-славянски. В Христа. А в другого не могу. Я некрещеный. Я не читал ни разу Библию... Но надо быть готовым ко всему этому. А может, лучше и не быть?.. А то потом как-то неловко выйдет... Небеса... В церковь не хожу. И когда я вижу, что люди идут в церковь молиться - мне смешно, потому что... когда смотришь на Чарли Чаплина, допустим, - смеешься не над тем, куда он идет, а над тем, как он идет. А идет он по лестнице, сияющей, божественной, но неуклюже, и я смотрю на это не зло. А церковь... Каждый день в Питере я прохожу мимо Исаакиевского собора, но зайти туда не могу. Просто зайти, не то чтобы помолиться. Либо собор утратил свое функциональное значение, либо... это огромное давящее здание не располагает православного человека зайти туда. Это не церковь. Я не нашел еще ни одной церкви в мире, в которую я бы зашел и нормально помолился. Да просто бы откровенно туда зашел и увидел Бога. А люди идут. /шепотом/ А я не могу, я просто стою. Если я

поднимусь по этой лестнице, надо мной тоже, может быть, кто-то посмеется. Такой же урод, как я. Но я смеюсь по-доброму, не по злему. Я смеюсь, потому что я завидую.

Москва, 9-10 июля 1994 г.

АЛЕКСАНДР МИХЕЛЬСОН

Дустоедский и Портупеев

У Фридриха Михайловича Дустоедского был знакомый, которого тоже звали Фридрихом Михайловичем, но фамилия у него была другая - Портупеев. Фридрих Михайлович Дустоедский часто спрашивал у своего знакомого:

- Ну ведь ты же Фридрих?
- Фридрих, - отвечал тот.
- Михайлович?
- Он самый, - соглашался знакомый.
- Тогда почему же у тебя фамилия-то другая?

На что тот никогда ничего Фридриху Михайловичу не отвечал, а только тупо таранился на него бессмысленными глазами и смеялся как идиот - чем, бывало, и доводил добрейшего собеседника своего до эпилептического припадка.

А.Михельсон со своей картиной «Пари»

Смерть отца Савелия

Однажды батюшка Савелий купил себе красного дерева антикварный комод, массивный такой, с бронзовыми ручками. Привез батюшка свою покупку домой, а она в дверь не пролазит. Бегают отец Савелий вокруг комода, головой бородатой машет и грузчиков ругает:

- Экие вы, - кричит, - твари безрукие, даже комод занести не умеете. Тут один грузчик в затылке почесал и говорит другому:
- А что ежели нам поставить эту херовину на попа?
- Давай.

1994 г.

МЕРЗИЛКА

психиатрическое панатомическое лит-приложение к журналу АНДЕРГРАУНД

* * *

И вновь на страницах нашего издания ещё одна новелла, любезно предоставленная нам некроромантическим гипермаразматическим журналом "Мерзилка".

Читатели, разумеется, помнят опубликованную в N 7 «АНДЕРГРАУНДа» "Поганую повесть", которая не оставила равнодушным ни одного читателя, ни одного ценителя музыки - многочисленные поклонники гения Никколо Поганини буквально завалили нас письмами с просьбой продолжить эпопею "Поганых повестей"...

N 10 был уже "на выдании", когда в адрес редакции пришел пухлый конверт с мелко исписанными листами - вторая часть "Поганой повести". Поганкин воскрес! А вместе с ним ожила идея провести нечто вроде журналистского расследования - ведь мы до сих пор не знаем, кто же скрывается за именами Джерри Гнойса и Чарльза Склепперсона. А таинственная "Мерзилка"?... Попытка, предпринятая редакцией в 1992 году, оказалась неудачной. Никаких зацепок. Сегодня же появилась надежда отыскать-таки автора /авторов?/ "Поганых повестей". Во-первых, хотя на конверте и нет обратного адреса, следы /почтовый штемпель/ ведут в славный город Тюмень. Во-вторых, присланный экземпляр "Поганой повести" - рукописный! А как известно, рукописи не только не горят, но и ... могут говорить.

Мы верим, что разгадка не за горами. О результатах расследования редакция АНДЕРГРАУНДа известит читателей в ближайших номерах журнала. А пока - таинственная рукопись...

"Дорогие читатели!"

С глубоким прискорбием имею несчастье известить Вас о кончине Джерри Гнойса, чье гениальное перо в соавторстве с Чарльзом Склепперсоном подарило миру цикл "Поганых повестей", а также монументальные сочинения - "Поганкин в стране Чудес", "13 подвигов Поганкина", "Погамлет" и многие другие бессмертные творения. Прах Джерри Гнойса, по его завещанию, был развеян над морем в районе Бермудского Треугольника.

В связи с небольшим объемом журнала АНДЕРГРАУНД, мы предоставляем нашим коллегам вторую миниатюру из трилогии "Поганая повесть".

Памяти Джерри Гнойса посвящается.

Александр Сплин, редактор "Мерзилки"."

ДЖЕРРИ ГНОЙС,

ЧАРЛЬЗ СКЛЕППЕРСОН

ПОГАНАЯ ПОВЕСТЬ

Часть 2

- Неужели я все-таки умру?... - думал Поганкин, с ужасом глядя на своё вздувшееся, посиневшее и покосившееся тело. Вся его бывлая веселость и беззаботность самым nepocтижимым образом трансформировалась в угрюмость, желчность и брюзгливость, что изливалась на голову Драздрапермы, ухаживающей за мальчиком.

- Куда запропастилась эта смрадная уключина? - шипел Колька. Ходить он уже не мог - виной тому корни, которые он пустил, лежа в избе у старухи.

Сумерки принесли с собой зябкую сырость - смертельное дыхание Предболотья, унылое бормотание совы-сплюшки и непреодолимое желание сделать кому-нибудь гадость. Становилось темно. После страшных приключений с блуждающими огоньками Колька темноты побаивался.

- Хотя бы кто свечку или печку зажег, что ли... Эй!

Унылое молчание ответствовало гласу Поганкина. Старый ящер Драздрапермы Панголин уже неделю жил на чердаке. Этот добрый, чудаковатый представитель рептилий, очень доверчивый и наивный, доведенный придирками и глумлением Кольки до отчаяния, ушел поближе к небу, на чердак. Теперь оттуда часто раздавались его тихие вздохи, глуховатое пение и раскатистое чихание, ибо на чердаке старуха сушила травы, грибы и корни, о коих всегда забывала, и те за долгие годы превращались в такие причудливые смеси, что галлюцинации, навеваемые ими, были поистине феерическим.

Поганкину начало казаться, что тьма, вползающая в избу, отнюдь не эфемерна, напротив - жива и осязаема. Она то зыбко колыхалась, то свивалась в какие-то желудочно-кишечные трубки, вселяя в душе Кольки ужас, сравнимый лишь с ужасом, что испытывает эксгумируемый труп. Уж нам-то с Вами, милейшие читатели, это известно.

Доведенный своим воображением до параксизма, Колька, тараща глаза во тьму, с трудом дотянулся до большой глиняной кружки с настоем червегноя, любовно приготовленным Драздрапермой. С воплем, от которого сорвалось со стены чучело долгопята, мальчик остервенело швырнул тяжелую кружку в потолок. Задремавший было старик Панголин очумело вскочил, варварски стукнувшись головой о стропила. - Горе мне, проскрежетал он, опускаясь на колени и проникая головой в полу чердака. До чуткого слуха старика донеслись всхлипы и стенания ороговевшего Поганкина. Добрый Панголин не мог спокойно слушать детский плач, ещё в молодости он говаривал: когда плачут дети, я ничего не могу с собой поделать - иду и успокаиваю их, большой сучковатой дубиной. Если повезёт, - навсегда. Но Поганкина очень любила Драздраперма, а её безнадежно, возвышенно и чисто любил Панголин. Бедняга обожествлял в ней все - вросшие кривые ногти, щетинистый хобот, взбалмошный нрав, смрадную послеобеденную отрыжку и ее прочие многочисленные достоинства, делавшие в глазах Панголина старуху просто богиней. Панголин вздохнул и, мягко покачиваясь на перепончатых лапах, направился к слуховому окну.

Колька терял надежду. Трясаясь крупной дрожью, шевеля ушами и сжав от волнения в кулаки пальцы клешнятых ног, мальчик чувствовал за стенами дома какое-то странное движение – словно деревья тихо освобождали из земли свои корни и, сплетая ветви, обступали дом. Злорадно захохотала выпь, мрак ночи всколыхнулся пронзительным криком свинодоя, чья-то тяжелая поступь и хриплое дыхание близилось к двери. Колька замер.

Холодной рукой ночного ветра дверь с грохотом распахнулась.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял смущенный Панголин.

Колька забился в конвульсивных рыданиях. Странное чувство расплзлось по скользким лабиринтам душевной души старого ящера. Смесь жалости, тоски и болезненного сострадания, как у палача, взмахнувшего топором над головой жертвы и внезапно вспомнившего о своей любимой морской свинке, которую он забыл покормить перед уходом на работу. Так раки очень сочувствуют тухлому куску мяса, раздираемому их противоречивыми клешнями.

- Сейчас, сейчас, - забормотал Панголин, бросаясь к разинутой пасти камина. Провозившись со щепками и кремнем, старик схватил со стола толстую книгу с медными застежками и позаимствовал из нее пару страниц для растопки. Пламя проворно охватило таинственные закорючки и причудливые фигурки, начертанные на девственном пергаменте. Затрещали дрова.

- Прости меня, Паня, - прошептал Колька, - я много досаждал тебе последнее время, но верь мне, что не я тому виною. То досаждал тебе не я - моя болезнь...

Панголин растрогался. Опустившись в кресло, он заговорил проникновенно и задушенно:

- Мальчик мой. Когда я был маленьким, я, прогуливаясь в лесу, наткнулся на крохотный грибок. Мы разговорились и вскоре стали большими друзьями. В

жару я поливал его три раза в день, а в дождь и град прикрывал веточками. Он рос и рассказывал мне удивительные истории - знал он их множество, и мудрости этот гриб был необычайной. Видишь ли, он повзрослел гораздо быстрее меня, и мне с мозгом молодой рептилии было порой не совсем понятно то, что он мне говорил, но я ужасно любил его и просто слушал его шелестящий шепот... Да... И вот однажды, когда листья на деревьях принялись спускаться вниз, чтобы свершив путешествие сквозь землю по корням, стволу и обратно к ветвям, зазеленеть на них весною... сидели мы, глядя на закатное солнце, истекающее кровью в облака, он заговорил о смерти. Очень грустно и красиво. Он был настоящий поэт. Гриб. Быть или не быть? И еще что-то... Ушел я весь в слезах, всю ночь не спал, а утром снова прибежал туда, к нему. Прибегаю, а он стоит. Тихий такой. Станный... Что-то необычное, новое появилось в его облике. Нездешнее что-то. Я упал на колени, обнял его... А он... Знаешь, он как-то расселся, расползся в моих ладонях, жижа какая-то бурая, слизь, черви ползают... И все. А его - нет.

Я с тех пор очень много думал обо всем этом, - продолжал печально Панголин. - Ведь нас с тобой ожидает в точности такая же участь. Да, да. А ты вообще, сейчас к ней близок, как никто другой, - деликатно добавил старик, игриво выплюнув и втянув обратно свою носоглотку, похожую на кальмара.

Колька молчал. В камине бесновались огненные карлики, разрывающие друг друга из-за куска тлеющей коряги.

- А потом я стихотворение сочинил, - неожиданно изрек Панголин, - о сущности тлена и тленности всего сущего. Вот...

И Ящер, приняв торжественную позу, принялся декламировать:

Был я травкой шелковистой, был душистым я цветком,
был я ивою ветвистой, был я с пчелками знаком.
Но потом я был оторван, был прожеван и проглочен.
Тот, кто съел меня недавно, был весьма рогат и всклочен.
В алой побыл я пещере, орошен слюною был -
так, как делают все звери, бык меня в миг проглотил.
Покатился по кишкам я, измененья там терпя.
Там встречался с смрадной желчью, что клубилась там, сопя.
А когда я в слизь густую превращен желудком был,
чтобы стать еще прекрасней, по клоаке я поплыл.
Там, киша сопливой массой, черви скользкие вились,
с отвратительной гримассой превращая пищу в слизь.
Я заметил за собою: стал я тверже, гуще стал.
Вдруг полночную звездою свет забытый заблистал.
На траву извергнут был я, наслаждаясь светом дня.
А теперь внимлите мне вы. Да, послушайте меня.
Коль меня возьмете в руки, жуткий смрад ударит в нос.
Вы узнать хотите, кто я? Что ж, извольте. Я - навоз.

Это все, как ты понимаешь, следует воспринимать аллегорически, мой мальчик,
- назидательно пробормотал поэт. - Аллегорически, - шепнул Колька и
всхлипнул. - Вот, вот, - обрадовался Панголин. - Подожди, - насторожился
Поганкин, пристально глядя на окно, - Слышишь?

Во тьме, приближаясь к избе, раздавалось зловещее чавканье трясины,
тяжелое урчанье в животе и магические заклинания, очень похожие на
первосортную брань.

- Это же она! - воскликнул Колька. - Драздраперма вернулась! И
мальчик, утомленный этим движением души, тяжело откинулся на подушку,
умильно глядя полными слёз глазами на стоящую на пороге старуху.

Та сразу принялась хлопотать по дому, рассказывая при этом всяких
всякостях, что приключилось с ней за время её отсутствия. Для начала она
подбросила дров в огонь, взяла из под лежанки Колькину утку и выплеснула её
содержимое в окно. Утка вырвалась из рук, Забила крыльями и скрылась во
мраке.

- Ну вот, - проворчал Панголин, - Опять завтра новую ловить, а ведь эта
уже привыкла...

- Да ладно тебе, Паня... Так вот. В Кислодрищенке, стало быть, все мрут
чего-то... Ты чего, Колька, вздыхаешь? Тётку одну встретила брюхатую. В
положение, то есть. Пятый раз, говорит, выметываю по ведру икринок, от
силы тройня вылупится, и те какие-то дохленькие да полоумненькие. Гномы
яйцекладущие все повымерли...

- Печально быть яйцекладущим гномом, - выпалил поэтически настроенный
Панголин.

Драздраперма, помешивая кого-то в ступке, где всё клокотало и сопело,
продолжала:

- Слышь, Николушка, забрела я ко вдове старика Малефициума, про твои все хворобы ей рассказала. Бумажку вот принесла, ею написанную. На, прочти.

На клочке телячьей кожи витиеватым старушечьим почерком было начертано: "Вяло текущая форма маниакально-некротического психосомаэнцефалопатического синдрома, осложненная абдоминальным вирусом Асмолотля Гиперцилотрубатриксного обыкновенного с отклонениями в область кармических видений."

После длительного молчания Драздраперма изрекла:

- Все ясно, как пень. Ты на пути к выздоровлению. -

Сказав так, тетка хитро подмигнула Панголину.

Однако, мальчик понял всё. - Дни мои сочтены, - подумал он, - и все мирские радости покидают меня. Я не могу играть на скрипке, купаться в болоте, собирать болиголов... Я пустил корни, ороговел и стал очень злоехидным. А ведь я иной... Горе мне... Единственное, что осталось у меня - мои сны, там я прежний - веселый и живой...

Драздраперма, севшая на колькино ложе, прервала его размышления, -- На-ко, милый, похлебай перед сном.

Перед носом Кольки замаячила деревянная миска с душистой похлебкой, первый глоток которой оставил у мальчика вкус кольчатой червяги, крокодилийх полипов и чего-то сладковато-тошнотворного.

- А почему такой странный вкус? - осведомился Поганкин, усердно щелкая клювом.

Драздраперма загадочно осклабилась. - Жабьи Наки, дружок, всё странное в мире от них...

Спустя несколько минут все окружающее закружилось перед колькиными глазами - Панголин, колыхаясь, поплыл к потолку, и, растаяв там, пролился дождём на Драздраперму. Она растеклась по грязному полу, залила огонь в камине и, мягко покачивая на волнах, понесла лежанку Кольки в Неведомое. Смертельная тьма завладела землёй, избушкой и спящим Колькой, коего обступили удивительные видения, порожденные его воспалённым воображением и похлёбкой Драздрапермы. Колька чувствовал, как прохладный ночной ветер ласково играет чешуйчатыми наростами на его голове, как он волшебным поёт в больших крыльях, сплетённых из свежих, тугих листьях болиголова, что были прикреплены к ажурному каркасу липкой слюной Панголина. Далеко внизу, словно ил в горле утопленника, темнела земля, где остались Панголин со старухой, Предболотье и Кислодрищенка, и все страшные болезни, терзавшие последнее время Кольку, который, устремив взор на Луну, скользил среди звёзд, гордо расправив крылья...

Вырвавшись из паутины сна, мальчик, с трудом вытянув из циновки белесоватые побеги молодых кореньев, появившееся за ночь на его шее, поднял голову. Горло и жабры пересохла от волнения, дух захватило и не отпусало.

- Наверное, он остался там, в небе, - подумал Колька про свой дух.

До рассвета мальчик не сомкнул глаз, и к утру план избавления от недуга созрел в гениальной голове Поганкина. Не только созрел, но и успел пожелтеть от нетерпения - Драздраперма, закрывшись от клопоканов в гробу, служившей ей кроватью, спала безмолвно и глубоко, как навеки потухший вулкан.

Увидев торчащий из окошечка в крышке морщинистый хобот старухи, Колька хихикнул.

- Сейчас я её разбужу, - прошептал он. Взгляд его упал, едва не разбившись, на хитрый ушат с прозрачными слюдяными стенками, за которыми колыхались водоросли и уныло плавали рыбы. Раньше там жили Аквари - очень умные рыбки, чьи советы всегда помогали Драздраперме. Но с тех пор, как Панголин неизвестно откуда приволок его любимых сомиков Кондиру, умные Аквари под покровом темноты покинули Предболотье. С тех пор Драздраперма называла ушат - аквариум.

Стараясь не шуметь, Колька дотянулся до дырявого ковшичка с длинной ручкой. Выловив из ушата одного сомика, мальчик опрокинул содержимое ковша в окошечке на крышке гроба. Через миг она слетела на пол, придавив спящего Жутконоса. Драздраперма с выпученными глазами сидела в гробу, запустив щупальца себе в хобот, с трудом удерживая за острые плавники пробирающегося вглубь радостного сомика Кондиру. Наконец, измаявшись, вымазавшись кровью, слизью и чешуёй, бедная старушка извлекла упирающегося кровососа на свет и, злобно плюнув, швырнула в окно. Когда весёлое гиканье сомика затихло вдали, притворявшийся всё это время спящим Колька открыл глаза.

Недоуменная Драздраперма мрачно смотрела на аквариум, бормоча: - Вот оказия... Как же этот охальник оттуда выбрался?... И в постель ко мне залез, стервенец шельмоватый... Каналья... У-у-у...

Тяжелая волна ненависти захлестнула, поглотила добрую старушку - ещё мгновение и она растоптала бы малютку Жутконоса, скулящего на полу с перебитым хребетиком; вылила бы жителей аквариума на Панголина и цинично надругалась бы над могилкой своей мамы... Но...

- Доброе утро, бабушка, - раздался за спиной тихий, чуть гнусавый голос Коли. Голос, наполнивший душу старушки раскаяньем, нежностью и любовью. Охваченная этими чувствами, тётка с распростёртыми культиями двинулась к постели мальчика. Его посиневшее, засунувшееся личико, измождённый глупоглазый взгляд и близящаяся кончина повергли Драздраперму сначала на колени, а затем в истерику.

- Не умирай, Коленька-а-а-а-а, - истекая словами, стонала старушка. - Только не умира-а-а-ай...

- А я и не умру, - уверенно выпалил Колька, и тут же увидел перед собой изумлённо вытаращенные глаза старухи, в которых стремительно высыхали слёзы.

- Виденье мне было во сне, бабушка, - продолжал мальчик. - Будто лечу я как птица по небу, а оно всё искорками усыпано, а одна - огромная, круглая и на лицо похожая. Так чем ближе я к ней подлетал, тем легче мне становилось... Сперва думал, умираю... Ан нет... Это способ исцеления, не иначе.

Драздраперма задумчиво морщила хобот, склонив свою головогрудь.

- Но КАК?! - спросила она замогильно.

- Я всё придумал, - сиял Колька. - Зови Панголина...

- Не надо меня звать, - послышалось на чердаке, - я уже иду.

С потолка посыпалась труха, свидетельствующая о перемещении ящера.

В избу Панголин ввалился, неся в одной лапе ворох листьев болиголова, а в другой - изящный лёгкий каркас и травяные жгутики.

- Знаешь, Коля, - начал старик, - прелюбопытнейший сон мне сегодня приснился: стоим мы с тобой на холме. Ночь. Я помогаю тебе нацепить крылья, и ты уносишься порывом ветра высоко-высоко в небо. А я остаюсь на холме и плачу... Я думал, что ты уже умер... А ты вскоре возвращаешься, представь! Живой и, самое главное, здоровый! И вот я подумал... Чего это вы? - прервался Панголин, глядя на своих побледневших слушателей.

- Видишь ли, Паня, - голос Драздрапермы дрожал, - этот же сон, в ещё более пугающих подробностях, минувшей ночью видел Колька...

В наступившей тишине, подобной тишине заброшенного склепа, было отчетливо слышно, как падает слюна из разинутой пасти ящера и листья болиголова из его лап.

Придя в себя, Поганкин произнес историческую фразу:

- Теперь я окончательно уверен в победе над недугом! Не будем терять времени. За дело! Нам нужно успеть до ночи!

Работа закипела. Драздраперма, напевая что-то из мелодий Кольки, отбирала самые свежие листочки и хитроумно сплетала их. Панголин, любовно придушив покалеченного Жутконоса, дабы избавить его от мук, укреплял вытянутыми из него жилами каркасы крыльев. Призрак жутконоса сидел тут же и, тяжело вздыхая, бормотал: - Для такого дела ничего не жалко...

- Да ладно тебе. Зато ты обрел бессмертие, - утешил малютку Панголин.

Сомики Кондиру столпились у стенки своего прозрачного жилища, с удивлением глаза на таинственные приготовления. А Колька возился и пыхтел в своей постели. Непостижимо ловко манипулируя своей длинной, покрытой кожистыми складками, шеей, мальчик, морщась от боли, мужественно перекусывал тонкие и перегрызал толстые корни, которые он пустил за время своей болезни. Во всем происходящем была изрядная доля очумелости, одержимости и отчаяния, балансирующего на грани безумия и могильной сытости, известной червям и некрофорам - крохотным жучкам с блестящим панцирем и умильной негой во взоре.

К наступлению темноты все приготовления были закончены.

Крылья, словно воплощение полёта, стремления и мечты, стояли возле стены, поблёскивая глянец листьев, скрепленных слюной Панголина, чьё

жадное бульканье доносилось из угла, где стоял аквариум... Что поделать, расход слюны при изготовлении крыльев, огромен. Драздраперма пекла праздничный пирог, начинка коего, как всегда, должна была стать сюрпризом". Поганкин разминал скованные контрактурой клешнятые ноги, нетерпеливо бродя вдоль крыльев, держась за колченогий табурет. А жутконос парил над всем этим, постигая все новые прелести призрачного бытия.

Хочется написать - "Наконец вошла Луна, и..." Но это было бы неправдой, а в нашей, хоть и сказочной, но очень правдивой истории сие недопустимо. Ни звёзды, ни Луна в Кислодрищенке и её окрестностях были не видны с тех пор, как Колька перестал играть на скрипке. Атмосфера, порождаемая смрадными испареньями Предболотья и дыханием кислodрищенцев, была подобна густому серому облаку, висящему над землёй. Любопытствующий взгляд неминуемо тонул в нём, как в болоте.

Итак... Мрачная, как Стикс, тьма поманила своей чёрной рукой Поганкина и его друзей к тому самому холму, где и должно было произойти священнодействие колькиного исцеления.

- Поистине, это чудесный ребёнок, - думала Драздраперма, глядя на мальчика, сидящего на шее бредущего впереди Панголина.

- Одна скрипка чего стоит, а теперь ещё вот это...

Вот и холм. - Вперед, - шепнул Панголин, утомлённый длительным переходом, и вереница друзей, сопя и пузырясь принялась штурмовать этот земляной фурункул.

Бедный Панголин спотыкался, проваливаясь в норы червеедов. Драздраперма, скрежеща бивнями, с трудом выпутывалась из сетей пауков-слоноглотов... Словом, подъём был опасен и трупен.

Оказавшись на плешивой верхушке холма, путешественники, отдуваясь, озирали угрюмо затаившиеся окрестности. Переглянувшись, Панголин со старухой занялись приготовлением Кольки к полёту. Мальчик стоял растопырив руки, отрешенно глядя на черную пропасть неба. В полном молчанье Драздраперма дала Поганкину отхлебнуть чего-то из сушеной тыквы, пока Панголин приматывал крылья к рукам ребёнка. Колька трепетал, как трепетали, колеблемые ветром, листья смутно виднеющихся внизу деревьев.

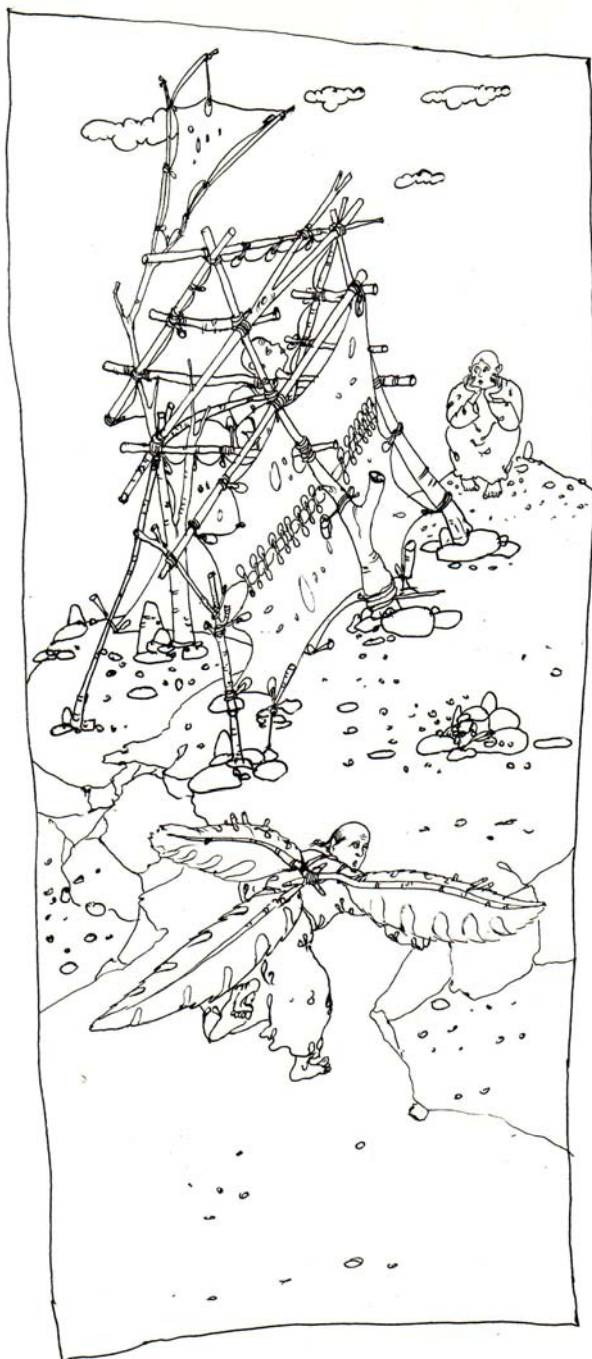
Хорошенько прикрепив крылья, Панголин порывисто обнял Кольку и, всхлипнув, отвернулся. Драздраперма повесила на шею Поганкина сушеные мылья летучей крыши и ласково подвела его к краю обрыва. Бездонного и непроглядного, как душа этой таинственной старухи. Ничто не нарушало первозданной тишины, кругом царило дремотное оцепенение.

- Лети, - прошептала старушка, с трудом подавив рыданье.

И Колька, расправив крылья, окинул друзей прощальным взглядом, полным тоски, ужаса и надежды, шагнул в бездну. Подхваченный потоком ночного ветра, он воспарил ввысь, стремительно уменьшаясь, исчезая в облаках.

Усердно работая крыльями, пробиваясь сквозь плотную завесу облаков, Колька то и дело слизывал с глаз оседавшие на них клочья промозглого

тумана. Утомившись этим, Поганкин втянул покачивающиеся на стебельках глаза, чем значительно облегчил себе полёт, но сократил обзор; впрочем, когда вокруг клубятся тучи, беснуется ветер и хихикают ангелы смерти едва ли

захочется любоваться вычурными арабесками, сотканными из туч.

Но вот - ура! - мгла нехотя рассеялась, словно прах сгинувшего в пустыне путника, и Ночь распростерла перед Колькой свои прекрасные бархатно-черные объятия, усеянные блестящими прыщами звёзд, а над всем этим зловеще мерцала огромная, сочащаяся желтым гноем язва Луны.

Колька задохнулся от восторга и, сбившись с ритма, лихорадочно замахал крыльями. Руки, изрядно утомлённые непривычными движениями, слезно умоляли о передышке.

- Драздраперма говорила что-то о "восходящих потоках", - подумал Поганкин, чутко ощупывая крыльями тело ночи, стараясь отыскать артерию, ведущую к Луне. Наконец это ему удалось, и он, отдавшись пульсирующему току воздуха, поплыл, вырисовываясь причудливым силуэтом на ярком фоне надменной физиономии

ночного светила, повелевающего отливами, катаклизмами, смертями и рожденьями - всем, вплоть до роста волос.

Растворившись в созерцании и размышлении, Колька не заметил, что дышать стало труднее, а воздух стал холодным, и уже не ласкал, а покусывал острыми ледеными зубками и вскоре все же сумел обратить на себя внимание воздухоплователя.

- Ничего! Она уже близко, - стуча клыками думал Коля, глядя на растущую Луну. Удивительная лёгкость и неописуемая эйфория завладели всем существом Поганкина. В душе его вновь зазвучала музыка, там не осталось места ни боли, ни злобе, ни злорадству.

- Холод - это пустяки, - бормотал мальчик. - Я выздоравливаю, эге-гей! Ещё немного повыше, чтобы наверняка... Но что это?!... Не-е-ет!!!

Крылья, даровавшие ему свободу, жизнь и счастье, непостижимо и дико разваливались, теряя очертанья. Сочные листья болиголова,

скреплённые слюной Панголина, став хрупкими и ломкими от холода и не выдержав напора воздушных струй, с хрустальным звоном посыпались в бездну. Колька, рыдая, по инерции махал пустым деревянным каркасом, но жилы жутконоса, предательски сократившись, на морозе, лопнули, оставив мальчика в равнодушном ночном небе с голыми руками. Набирая скорость, оставляя за собой сияющий след, Поганкин, подобно болиду, понёсся к земле.

- Вот ты какая, смертушка моя, - пронеслось в голове Кольки, который всё быстрее и неотвратимее мчался вниз.

Достигнув той роковой скорости, за которой всё воспламеняется и сгорает, Поганкин непостижимым образом был вдруг вынесен из болота ПространственноВременных владений Кислодрищенки и огненным вихрем, провожаемый удивлёнными глазами крестьян села Карелинского, рухнул в тайгу в районе Подкаменной Тунгуски. Это случилось 30 июня 1908 года. Но это отнюдь не всё!

При сокрушительном ударе о Землю, Колька, вероятно, сдвинул ещё один временной рычажок Вселенной, ибо старику Дедалу, сидящему на тихом берегу Эгейского моря, глядя на играющего в оливковой роще сына, внезапно ворвалась в седую голову великолепная идея.

Шумело море, кричали чайки, но прислушайтесь... Слышите, ветер доносит голос старого грека, что зовёт своего наследника:

- Икар, Икар!... Я сделал тебе крылья...

* * *

ПИСЬМА ОЛЕГА КОВРИГИ

* * *

Независимая фирма грамзаписи "ТАУ Продукт" заявляет о том, что она прекращает производство и продажу пластинок группы "Гражданская Оборона" - "Все идет по плану".

"Все идет по плану" была первой пластинкой в стране, которая была выпущена без всяких цензурных ограничений, и мы гордились тем, что нам удалось это сделать. Пластинка появилась год назад, и, к сожалению, за этот год многое изменилось. Это не политическая акция, это наш человеческий жест, который мы вынуждены сделать, чтобы потом те деньги, которые мы получаем от продажи пластинок "Гражданской Обороны", не жгли нам руки.

Нас отнюдь не радовало то, что любимый нами автор, Егор Летов, начал печататься в газете "День" и выступал на митинге перед защитниками "белого дома", но нам казалось, что это все же не может перечеркнуть ценности того, что было им написано много лет назад. Тем более, что с человеческой точки зрения то, что происходило в Москве в октябре 93 г., действительно можно оценить, мягко говоря, неоднозначно.

Но на 19 декабря в Москве в клубе имени Горького была назначена акция под названием "Русский прорыв".

Акция подразумевала совместную пресс-конференцию Александра Проханова, Александра Невзорова, Эдуарда Лимонова, Егора Летова, а также концерт нескольких групп, в том числе "Гражданской Обороны". Концерт был сорван, потому что поклонники "Гражданской Обороны", не сумевшие попасть в зал, побили стекла в клубе и туда пришлось вызвать ОМОН.

Концерт не состоялся, но сути дела это не меняет. Егор Летов позвал своих многочисленных молодых "фанов" на встречу с Прохановым и Невзоровым и, тем самым, совершенно сознательно пригласил их в ряды участников будущих погромов.

То, что Егор хочет залить пожар своей души чужой кровью, дело его совести. Но мы не хотим иметь к этому никакого отношения. Даже косвенного.

Поэтому "ТАУ Продукт" больше не будет продавать пластинки "Гражданская Оборона" - "Все идет по плану".

Вперед, Егор, "бодро и смело". Каждому свое.

Директор ТОО "ТАУ Продукт" Андрей Богданов
Независимый продюсер Олег Коврига

РАЗГОВОРЫ С ПРИЗРАКАМИ

Разговоры с призраками - это состояние, в котором я постоянно нахожусь уже много лет и которое прерывается только чрезвычайными обстоятельствами, требующими сосредоточиться на постороннем предмете. Подобное состояние замечательно описано у Чехова в рассказе "Черный монах". Только там герой постоянно общается с одним и тем же призраком, а я общаюсь со многими сразу. Даже если я обращаюсь к кому-то одному, то остальные как бы стоят за спиной и живут там своей самостоятельной жизнью. Больше всего это напоминает главу из книги Владимира Шинкарева "Максим и Федор" - "Финита ля трагедия", где главные герои почти все время спят, а на втором плане сцены действует множество различных персонажей вплоть до духов продавщицы в винном отделе и духов зрителя. Да и сам я часто кладу локти на стол, опускаю голову и долго лежу в полудреме, а призраки продолжают двигаться и жить своей жизнью. Некоторые из них иногда обращают на меня внимание, некоторые - нет. Потом я как бы оживаю и начинаю снова кому-то что-то говорить, хотя слова при этом не произносятся, да и вообще в этом пространстве не раздаются никаких звуков, кроме самых абстрактных, вроде шума ветра или капания каких-то капель. И все-таки при этом призраки часто слышат меня. Они иногда смотрят на меня, улыбаются, кивают головой.

Это невозможно выразить словами, но у меня нет другого выхода, поэтому я попробую сделать это в виде своего рода писем трем людям, двум знакомым и одному незнакомому - Егору Летову, Владимиру Шинкареву и Борису Гребенщикову.

ЕГОРУ ЛЕТОВУ

В свое время, когда "Урлайт" еще не распался, я хотел написать про тебя статью, в которой должно было говориться о том, как я тебя нежно люблю как человека. Но тогда у меня почему-то не нашлось подходящих слов. Вернее, нашлось, но их было слишком мало для того, чтобы все это приобрело более-менее законченный вид.

И так получилось, что первое, что ты от меня получишь за многие годы, это проклятие, заявление "ТАУ Продукта" о том, что "Все идет по плану" больше не будет производиться и продаваться.

Я не жалею о том, что сделал это, и когда кто-то третий начинает предъявлять мне по этому поводу претензии, я немедленно начинаю жрать клиента "с говном". Но перед тобой-то мне действительно неудобно. Особенно за фразу "Вперед, Егор, бодро и смело", которую я, конечно, вставил сгоряча. Потому что, несмотря ни на что, мое личное отношение к тебе совершенно не изменилось. Мои воспоминания про тебя, это воспоминания "про любовь".

Я помню, как мы сидели в какой-то квартире после твоего и Янкиного концерта и разглядывали картины Саши Джикия. И тебе все картины очень

понравились, а больше всех понравился "Шальной метеорит", который и я тоже всегда про себя выделял. А потом мы стояли на остановке и спорили, стоит ли общаться с Жариковым после всех его "заходов". Вернее, даже не спорили, а просто разговаривали, потому что наша беседа совершенно не носила характер спора. И ты тогда сказал, что Жариков – это такой человек, которого можно пять раз спросить об одном и том же и услышать пять разных ответов, ни один из которых не будет правдой.

Я помню твой концерт в ДК МЭИ. С самой первой песни /это была "Мне насрать на мое лицо"/ у меня возникло ощущение странного несоответствия того, что происходит на сцене и в зале. На сцене стоял совершенно

одиноким, страшно ранимый человек, и некая "подводная мелодия", которая шла где-то сзади, усиливала ощущение ранимости и какой-то нежности, исходящей от песни, несмотря на ее внешне "грязный" вид. А в зале при этом скакали какие-то мудаки, после которых осталось куча сломанных стульев и ощущение того, что тебе действительно нагадили в душу.

А потом мы разговаривали с Янкой по поводу того, каким козлом оказался в результате Андрей Соловьев, который был у вас когда-то "менеджером", а в это время рядом кто-то задавал тебе вопросы. И я вдруг случайно услышал совершенно идиотский вопрос, на который был дан блестящий ответ. Тебя спросили: "Егор, а как ты пишешь песни?" И ты ответил, что у тебя в голове начинает вертеться что-то такое, от чего никак невозможно отвязаться, а потом все это превращается в некий водоворот - рождается песня, которую уже невозможно не написать. Я, может быть, искажил твои слова, но общий смысл, по-моему, был такой, и я потом много раз приводил этот ответ как идеальный и как пример того, в каких случаях вообще стоит говорить о "творчестве", "искусстве" и так далее.

Поэтому когда кто-то упрекает меня за мое "заявление", меня еще больше бесит то, что я это должен выслушивать от людей, которые совершенно не понимают, насколько мне по жизни обидно выступать против тебя и дудеть в одну дудку с разными "козломойцами" и прочим говном. Я не боюсь этого слова, потому что оно еще даже и не отражает того, насколько плохо я о них

думаю. Потому что я обо всем этом думаю настолько плохо, что, если я вдруг начну излагать это в таком виде, в котором это во мне живет, то это будет больше похоже на обычную истерику, которую мне не позволяет устраивать мое же к ним плохое отношение.

Я, например, искренне ненавижу отечественное рок-движение. Я им говорил об этом, но они почему-то совершенно не чувствуют, что означает это слово - "ненавижу". Впрочем, в этом нет ничего странного. Выходит такой относительно тихий, бородатый хрен и говорит: "Ребята, я люблю каждого из вас в отдельности, но ненавижу всех вас вместе взятых и самого себя в этом контексте". Ну и ладно, ничего особенного. "Мы живем живой рок-н-ролльной жизнью" и нас таким заявлением не удивишь. А я действительно ненавижу. Меня всего трясет, когда я об этом думаю. Я пришел в это "движение" лет двенадцать назад и постепенно оно как бы стало главным в моей жизни. До тех пор я сам себе казался чем-то совсем незаметным, потому что то, что мне действительно нравилось, было как-то страшно далеко от меня во времени и в пространстве. Это был какой-то далекий огонь, далекий свет, который я мог только потреблять.

А тут вдруг оказалось, что этот "огонь" не только там, далеко, но и здесь, рядом. Рядом со мной сидит Майк Науменко, которого можно попросить выступить у меня дома, и он на это согласится, потому что это нужно не только мне, но и ему тоже. И я включился в это дело со всем энтузиазмом, которого у меня всегда было много. И почувствовал такую "отдачу", о которой я не мог и мечтать. Один из моих самых любимых авторов говорил мне /будучи, правда, изрядно пьяным/: "Считается, что у меня много друзей, но на самом деле у меня их почти нет. И ты – один из них". А другой, отдавая мне деньги, которые я когда-то ему одолжил, сказал: "Я смог "подняться" во многом благодаря этим двумстам рублям. Я чувствовал, что у меня должно получиться, но мне было даже не на что купить материал". А от третьего человека я услышал фразу, которая, на самом деле, стоит дороже всего: "Был такой момент в моей жизни, когда ты меня очень поддержал". /Сейчас мы неожиданно поменялись ролями, хотя, конечно, эта поддержка всегда была взаимной/.

Ради этих слов я был готов на все, что угодно. Они умели превращать свой огонь в то, что я в последнее время почему-то называю дурацкими словами "культурное наследие", а я не умел, но я как-то помогал им жить и это было огромное, совершенно неожиданное счастье. Как говорил голос Ефима Копеляна за кадром в "Семнадцати мгновениях весны" /по поводу профессора Плейшнера /, "...и это вносило в его жизнь порядок и смысл".

Параллельно с этим существовала еще и Советская власть, которую я в какой-то момент возненавидел. Кстати, это случилось достаточно поздно, может быть, перед самой смертью Брежнева. Я возненавидел ее за то, что она покушалась на мою внутреннюю свободу. Она хотела заставить меня произносить те слова, которые мне не хотелось произносить. Она хотела трахнуть мою бессмертную душу и поэтому стала моим врагом, которого я страшно боялся, но который вносил в мою жизнь еще и дополнительный смысл. Как говорил Григорий Александрович Печорин: "Я люблю врагов, но

не по-христиански. Они горячат мне кровь..." Хотя я клянусь, что когда Советской власти не стало, с моей души действительно свалился какой-то камень и мне стало намного легче дышать.

Врагу нужно было отвечать, и лучшим ответом, как это ни странно, оказалось то же самое рок-движение и "Урлайт". На самом деле, я никогда не расценивал рок-прессу, как нечто, имеющее отношение к искусству. И вся наша деятельность по организации концертов разных групп, среди которых было множество никуда не годных, и рок-журналы как бы создавали некую "кашу", в которой мои любимые авторы могли выжить. Это была некая единая область, некий лес, в котором можно было относительно безопасно существовать. А "Урлайт" вообще играл роль громоотвода, в который била молния, и если бы его не было, то молния могла бы ударить по авторам, которые иногда, правда, совершенно над этим не задумывались, но иногда понимали, что удар прошел мимо не потому, что он не имел к ним никакого отношения, а потому, что его принял на себя кто-то другой.

Наверное, я уже тогда не очень хорошо относился ко всей "тусовке", которая ошивалась вокруг "рок-музыки". Мне как-то совершенно не нравились "рок-н-рольный" образ жизни и взаимоотношения между людьми в этой среде. Я потом как-то прочитал высказывание Малькольма Макларена о том, что рок-музыканты - это в основной своей массе люди "грубые, невежественные, неинтеллигентные и часто совершенно неодоухотворенные" и посмеялся. "Гад он, - думаю, - порядочный циник, но в данном случае сказал истинную правду". И это относится не только к музыкантам, но и ко всей тусовке, которая их окружает. Эта среда как бы оказалась "дном", на которое осели "лучшие", которые не могли вписаться в советскую систему, и "худшие", которые просто осели по своей неспособности что-либо делать. Единственным человеком из "тусовки", к которому мне сразу захотелось пристроиться в качестве «ведомого», оказался Илья Смирнов.

Илья держал в руках тот самый громоотвод, в который била молния. Как сказал мне один из людей, подписавших знаменитое роклабораторское письмо: "Ведь мы же его предупреждали. А он как всегда с этой своей вечной улыбочкой..." Я тоже стремился к тому, чтобы встать поближе к громоотводу, но у меня рожа слишком постная, а рядом со смирновской улыбочкой я оказался вполне уместен. Именно смирновская улыбочка и была тем центром, который вызывал на себя огонь.

Потом у Советской власти обнаружились более серьезные противники, чем рок-движение, и оно зажило самостоятельной жизнью, разрослось. Если раньше все группы можно было пересчитать по пальцам и половина из них несла в себе хотя бы какой-то, но огонь, то теперь оставались те же самые десять авторов, которых я считал действительно "авторами" /и один из них ты/, еще несколько человек, которых, в принципе, можно слушать и огромная куча чего-то совершенно "непрозрачного".

Когда "Урлайт" распадался, основной "сыр-бор", по-моему, шел по трем пунктам: чрезмерно разросшейся рок-хроники, философской статьи Саши Серьги и какого-то материала, касающегося Жарикова и Неумоева. Илья упорно не хотел этого печатать и приводил доводы, с которыми я вполне соглашался. Он говорил: "Я не хочу играть в песочек, когда в стране происходит нечто более серьезное. Зачем писать о том, в каком ряду на каком концерте сидел Троицкий и что в это время делал Берт? Это салонная хроника, которая нужна только тем, кто ее же и пишет. Зачем отягощать журнал огромной статьей, которая является чистым плодом графомании?" Я, кстати, потом

Неумоев и ИПВ, 1987 г.

прочитал эту статью, когда она появилась в "Контркультуре". Вернее, просмотрел, потому что читать это действительно невозможно. Но самый яростный спор разгорелся именно вокруг Романа Неумоева. Илья говорил: "Человек, который произносит подобные слова, это подонки. Я не могу позволить себе появляться рядом с подонком". Я в принципе с ним соглашался, но был существенно более нейтрален. "Ребята почему-то считают, что Неумоев – хороший искренний автор и за это ему можно простить его "этические" заскоки. Ну и ладно, так ли уж это важно, чтобы из-за этого перессориться?" Мне, конечно, было проще. "Урлайт" был частью моей жизни, но он не был моим детищем. За моими словами стояло что-

то вроде: "Журнал-то у нас все-равно плохой и никакой художественной ценности не представляет, а ребята хорошие, так пускай в нем будет и рок-хроника, и статья Серьги, и все что угодно".

А Илья оказался существенно более прозорливым, чем я этого ожидал. Он говорил: "Они не понимают, с чем заигрывают. Ты видишь, во что превращается так называемое "рок-движение"? Ты видишь, как изменилась публика, которая ходит на концерты? Люди, вставшие на этот путь, проходят его до конца, исключений не бывает. Я буду больше всех рад, если окажется, что я ошибся."

Он не ошибся. На том месте, где мы "отстояли свое право на рок", образовалась куча дерьма, в которой за последние несколько лет не появилось ни одного действительно заметного автора. Там есть небольшой процент действительно талантливых и чистых людей и я прошу их простить меня за все мои помои в этот адрес. Но неужели кто-то будет всерьез считать, что вся эта куча дерьма нужна для того, чтобы эти редкие люди не оказались

в одиночестве, в "безвоздушном пространстве"? Да ни в коем случае. Куча нужна, прежде всего, тем, кто ее произвел.

Особенно меня "привлекают" в этой куче два "социальных типа". Первый - это деклассированные элементы, интеллигенты, которые давно разучились что-либо делать, осели на дно и готовы принимать подачки от любого, кто готов их давать. Причем, взаимоотношения между людьми здесь таковы, что слово "интеллигент" совсем даже и неуместно. Это, скорее, образованный человек, превратившийся в... не знаю даже, кого. А второй "социальный тип" - это те самые маленькие, бестолковые крысят, которые ломали стулья на твоих концертах. По отдельности каждый из них жалок, а все вместе они могут представлять из себя весьма дееспособный коллектив.

Я потому и написал наше "заявление", что до меня дошло, как до жирафа, что "рок-движение" действительно дошло до того самого конца, о котором несколько лет назад говорил Илья Смирнов. "Вот и граница литовская, до которой тебе так хотелось добраться...". Вот и сидит горячо любимый мною человек Егор Летов рядом с откровенными людоедами, и говорит о том, что "нам ближе всех баркашовцы и красные бригады", а за его спиной

тысячи крысят "_____".

А теперь я тебе скажу, что я действительно думал про Романа Неумоева в тот момент, когда по поводу его персоны шли ожесточенные споры. Может быть, я ошибаюсь, говоря такие слова про твоего друга, но уж в любом случае я тебя не обманываю и не стараюсь подвести логическую базу под какие-то выводы. Просто именно так я его и воспринимаю. Меня совершенно не волнует, является ли Роман Неумоев антисемитом. В песне "Убить жида", скорее, действительно имеется в виду "убить в себе что-то нехорошее". Но меня это совершенно не волнует. Меня совершенно не волнует вопрос о его искренности, потому что, с моей точки зрения, этот человек является клиническим мудаком и на конкурсе мудаков займет второе место по той же самой причине. Когда-то давно, когда я даже не знал про его существование в природе, он позвонил мне и позвал "Среднерусскую Возвышенность" на панк-фестиваль в Тюмень. Честно говоря, я не помню, что он говорил, но точно помню, что у меня очень быстро возникло ощущение, что этот человек - полный идиот и с ним ни в коем случае нельзя связываться не только по делу, но и вообще по жизни. Поскольку это скорее беда, чем вина, то я, естественно не стал ему этого говорить, а просто сказал, что я не хочу сам решать вопрос о такой далекой поездке и рекомендую ему позвонить Свену Гундлаху.

Через десять минут мне звонит Свен и спрашивает: "Слушай, что это за мурак мне только что звонил?"

Я вдруг подумал, что на самом деле Роман Неумоев является классическим представителем рок-движения в России. И эта мысль поразила меня своей правдивостью.

"Что тебе снится, блуждающий биоробот?"

Мне ничего не снится, потому что я не сплю. Я лежу и думаю о Романа Неумоеве, как о характерном представителе отечественного рок-движения.

Когда-то я переводил интервью с Питом Тауншендом, гитаристом и основным автором "The Who". Я никогда не любил их музыку, но почему-то всегда испытывал к ним уважение. Причем, там достаточно одной фотографии, чтобы понять, что здесь все сделал не тот, который поет, а именно этот, носатый. И меня всегда удивляло несоответствие его приятнейшей физиономии тому, что он произвел на свет.

Так вот, в этом интервью он произнес слова, которые я тогда понял умом, но совершенно не оценил по ощущениям: "Больше всего меня раздражает та энергия, мастерство, деньги, пот, которые мы вложили в такую пустую, претенциозную ерунду... Понимаете, я был одним из авторов рок-идеологии конца 60-х - начала 70-х. Я был одним из ее аналитиков. Я контактировал со всеми журналистами... мы садились и придумывали, что такое рок-н-ролл в терминах пост-Вудстока, и при этом были совершенно напыщенными, видя в роке путь освобождения от всего этого дерьма... А в конце 70-х я вдруг увидел, что то, что я сделал, намного хуже, чем то, что сделали президент Маркос, Нориэга, Адольф Гитлер и Ева Перон вместе взятые. Я создал эту новую иерархию рока, как нечто могучее и важное, но в то же время не сделал ничего полезного или заслуживающего внимания. Я вдруг осознал: "Господи, ты уже не можешь с этим справиться! Это было мое наследие - и я его ненавижу, ненавижу самого себя".

После этого он на несколько лет "ушел в штопор". И я не только не осуждаю его за это, а, напротив, считаю, что этот человек достоин всяческого уважения. Человек, который смог все это осознать и произнести эти слова: "пустая ерунда". Это настоящий "орел-мужчина", оказавшийся вдвойне орлом, потому что он потом смог выйти из штопора, сказать, что "я никогда не наслаждался молодостью и всегда знал, что есть что-то еще", и заняться какой-то спокойной, осознанной деятельностью.

Именно эти слова - "пустая претенциозная ерунда" - абсолютно точно подходят практически ко всему, что породило наше "рок-движение". А во многих случаях, в частности, в случае "Урлайта", "Контркультуры" и "Пиноллера", это не только "пустая, претенциозная", но еще и вредная ерунда, потому что, с моей точки зрения, там есть масса вещей, которые вообще не должны никому попадаться на глаза, а особенно детям. Поэтому в качестве "оргвыводов" я бы лично поступил по-простому. "Урлайт" был громоотводом - и за это ему еще можно что-то простить, так что об "Урлайте" надо просто забыть навсегда. А "Контркультуру" и "Пиноллер"

нужно сжечь. Как пустую, претенциозную, вредную ерунду. И особенно это относится к "Пиноллеру", потому что у этого издания снизу торчат козлиные ноги, а сверху - рога. Хотя вряд ли стоит тратить спички на то, что откинется и само по себе.

Читаю - и сам удивляюсь: "Совсем озверел Черный Абдула - ни своих, ни чужих не щадит..."

Я, конечно, далеко не Пит Тауншенд, но мы тоже к чему-то стремились, и нам тоже кто-то смотрел вслед. Я даже знаю двух людей, которые говорили, что они "учились" на моих статьях /один, правда, при этом был изрядно пьян и наверняка этого не помнит/. Первый из них регулярно звал меня на всякие концерты и говорил при этом: "Мы живем живой рок-н-рольной жизнью..." Я вяло улыбался в ответ, но наиболее естественной моей реакцией на эти слова был бы гомерический хохот. А потом он написал огромный бессмысленный труд по рок-прессе, который, с моей точки зрения, можно сдать в макулатуру сразу, не читая.

Со вторым было, мягко говоря, "еще хуже". Я тут недавно тряс его за грудь и угрожал ему немедленной расправой. И даже сам только потом понял, что я так "расходился" не из-за того, что он бил бутылки в клубе после концерта, кидая их со второго этажа на первый, а из-за тех слов, которые он произнес несколько лет назад. Это я сам с собой хотел рассчитаться. И еще неизвестно, смог ли бы я остановиться, если бы он чисто внешне был хотя бы чуть-чуть больше похож на меня. Я бы схватил его за бороду и за волосы и ...нул головой об стенку, чтобы хотя бы увидеть, как течет его кровь.

Тауншенд был совершенно прав. Только ему и в страшном сне не могло присниться, что все это может дойти до такого дикого уродства, как у нас.

Я когда-то высказывал свое недовольство по поводу того, что последний альбом "Ноля", "Полундра", получился такой мрачный и там так много матерных слов. Но тут иначе и не скажешь: "Ну что, допрыгались, уроды, ёбанные цари природы?"

Весь мой организм трясется и я повторяю про себя: "Слизняки, мразь, все утопили в дерьме, все. Вас надо убивать, чтобы природа больше не видела этого позора. Дайте мне огнемёт - и я уничтожу все это собственными руками. Или лучше дайте мне лом и лопату и наложите епитимью - копать конаву до Эгвекинотской бухты, моего любимого места на земле. И когда я докопаю до океана, вспыхнет огонь - я войду в него, и все исчезнет."

И Это я еще отдулся только по поводу "рок-движения". Есть еще и другие, не менее достойные объекты. Например, "демократическое движение". А я его знаю ничуть не хуже, я с этой публикой долго общался еще тогда, когда она не была "на коне" Мы с Ильей когда-то были весьма активными персонажами в клубе "Избиратели за перестройку" Свердловского района города Москвы. Была такая ситуация, когда избирательская комиссия выносила меня с участка "за руки, за ноги" в совершенно прямом смысле, хотя я при этом был официально зарегистрированным доверенным лицом

кандидата в депутаты и по закону мое тело было неприкосновенным. Слава Богу, что моего кандидата все-таки не выбрали в Моссовет, и мне не пришлось с ужасом наблюдать за его поведением в этих "сферах". Единственным результатом нашего появления на избирательном участке было то, что мы все-таки показали козлам, что "не все коту масленица", а этот результат, пожалуй, даже можно признать положительным.

Но публику демократическую я хорошо изучил. Я не имею в виду тех, кто чем-то помог и тут же спокойно ушел в сторону. Это были, как правило, очень милые люди. А вот те, для кого это стало образом жизни, это уже совсем другое. Это, пожалуй, еще более убогое зрелище, чем "рок-движение". Там при полном отсутствии "огня" хотя бы "перец" какой-то присутствует, а тут...

А что касается более позднего этапа, "Выбора России" и тому подобного, то тут все настолько карикатурно, что я даже не вижу особого смысла говорить что-то по этому поводу.

На самом деле, я напоминаю себе девушку из фильма "Забриски Пойнт", которая в финале едет и представляет себе, как она взрывает "всю эту контору", а за кадром звучит "Careful with that axe, Euclidean".

В результате всех этих мыслей я, по-моему, понял, какая связь существует между ницшеанством и фашизмом. Мне всегда казалось, что ницшеанство было притянута к фашизму за уши, совершенно искусственно. Ну какая может быть связь между убийцами и нежнейшим, ранимейшим поэтом? Я не говорю, что он его породил, ни в коем случае нет. Он копался в человеческой природе в полном одиночестве и хотел найти в самом себе какую-то точку опоры во всем том ужасе, который он увидел. Но я понял, что настоящий, идейный фашист - не "шестерка" и не стопроцентный циник вроде Жарикова; а именно идейный, которому это вошло в плоть и кровь - это нежный, ранимый, совершенно одинокий человек, которому хотелось любви, чистоты, всего самого лучшего, а мир оказался совсем не таким, и это его настолько ранило, что в душе у него загорелся пожар, который уже невозможно потушить. И он инстинктивно ищет огня - огонь все решит, огонь очистит, "в огне брода нет". Он пошел к огню и запел о "легконогом танцоре". И ему стало чуть чуть легче. Но вот в этот самый момент он превратился в людоеда. Обезумевший поэт, превратившийся в людоеда - это одно из самых страшных животных на свете. Ему нечего терять, он инстинктивно ищет свою смерть, и его уже ничто не остановит.

Странно все это. Но вот и получился у меня портрет: нежный, ранимый, совершенно одинокий человек... Обезумевший поэт, превратившийся в людоеда. Егор Летов. Может быть, я ошибся, "Чужая душа потемки". А может быть, в чем-то я и прав.

Самое интересное, что после всего этого я вдруг стал вспоминать те моменты своей биографии, в которые я, как мне казалось, вел себя как поэт /конечно, как поэт "по жизни", а не в прямом смысле этого слова/, и тут сделал для себя открытие, которое поразило меня, пожалуй, сильнее, чем сами мысли о том, что такое "настоящий, идейный фашист". Я вдруг увидел, что

именно в эти моменты я, сам того не замечая, приносил людям больше всего зла. Я появлялся среди людей со своим горячим желанием, чтобы все было "либо "Ух!", либо никак", со своим "я не люблю, когда наполовину...", со своим "пой как птица, если не можешь не петь, если можешь не петь, не пой" /надо же, присвоил себе чужие слова, но это ничего/ и как бы всем своим видом демонстрировал людям, что, если они так не могут, то нечего и прыгать. А у людей далеко не всегда получается "Ух!", потому что это зависит не только от них самих, но и от судьбы, времени, места, чего-то еще. "Ух!" не получается, но есть какое-то свое маленькое тепло, которое их греет, помогает им жить. И в результате я, с одной стороны, появляюсь в стиле Деда Мороза - дарю подарки, глажу по головке, жалею, а с другой стороны, настолько внутренне высокомерен, что свое маленькое тепло от меня надо либо защищать, либо скрывать. А это, естественно, очень напрягает, и я сам же делаю так, чтобы при всем признании моих заслуг, меня внутренне, на уровне инстинкта, все равно воспринимали как чужого.

А бывало еще хуже. Бывало, что я вдруг выхватывал взглядом какого-нибудь человека, которого я вдруг признавал себе равным /как бы подсознательно подразумевая, что все остальные хорошие ребята, но слабы по жизни/ и начинал вокруг него отираться. А человек до этого жил в какой-то среде, которую я как бы заранее признал гнилой и ненастоящей, и у него с этой средой были какие-то человеческие связи, которые его грели. А я своими "шагами командора", сам того не замечая, рву эти связи. И единственным реальным результатом моего появления становится то, что человеку было больно, а стало еще больнее. Теперь мне почему-то хочется нехорошо улыбнуться и сказать: А ведь я не очень-то об этом и жалею. В некоторых случаях - да, а в некоторых я бы и сейчас повел себя точно так же.

Хотя на самом деле я ведь общаюсь со всей этой "ненастоящей" средой не для того, чтобы утверждать там свои жизненные принципы, а потому что, несмотря на все мои страшные мысли о том, в чем они топят то, чем я жил, мне приятны их физиономии - каждого в отдельности - и я тоже "греюсь" около них, поэтому тот самый огонь, который я только что звал, был бы самым большим несчастьем в моей жизни.

Мне как-то сказали, что все, что я когда-либо писал, можно однозначно узнать по цитатам из Саши Башлачева, которого ты, по-моему, ценишь не меньше меня. Я и сейчас опять пытаюсь прикрыться его словами: "Жизнь, она не простит тем, кто думал о ней слишком плохо..." Мне почему-то инстинктивно хочется отделить эти слова от последующих, но этого не стоит делать,

потому что последующая строчка неразрывно связана с предыдущей:

"Жизнь, она не простит тем, кто думал о ней слишком плохо.

Баба мстит лишь за то, что не взял, что не принял любовь."

А еще я, наверное, зря разорвал цитату из Высоцкого:

"Я не люблю, когда наполовину

Или когда прервали разговор

Я не люблю, когда стреляют в спину
Я также против выстрелов в упор..."

Я долгое время недооценивал этого человека как автора, а теперь мне иногда кажется, что он, хотя и умер, протягивает мне руку и помогает в самых странных ситуациях. Я произношу слишком много слов - и это, наверное, мешает понять, что же я хочу сказать. Поэтому я повторю еще раз главный "вывод". Хотя какие могут быть в жизни выводы? Это всего лишь ощущения, которые, конечно, нельзя считать истиной. И тем не менее. Если жизнь кажется тебе слишком плохой, ты сам для себя можешь решить вопрос жизни и смерти. И я с большим уважением отношусь к тем, кто выбирает смерть. Их уже действительно поздно жалеть. Можно жалеть себя, если тебе не хватает этого человека. А его надо было жалеть тогда, когда он был живой. Но уж тем более не стоит решать вопрос о жизни и смерти за кого-нибудь другого. Пусть каждый сделает это самостоятельно.

Постскриптум. Я тут распространялся по поводу того, что многое из нашего наследия стоило бы сжечь. Стоило бы, это уж точно. А вот что касается "Все идет по плану", то тут уже речь идет о совсем других вещах. Меня многие упрекали в том, что, заявив о прекращении производства и продажи этих пластинок, мы не довели до конца того, о чем заявили: не изъяли из магазинов того, что

там лежит на реализации и не уничтожили остатки тиража. На счет уничтожения вообще вопрос не стоял. "Все идет по плану" - это произведение искусства, и я бы никогда не позволил себе его уничтожить. Другое дело, что за этим вдруг встал вопрос о чьей-то жизни и смерти, а я хочу /еще раз повторю/, чтобы каждый имел возможность решать этот вопрос самостоятельно - и это главное мое желание, все остальное потом. Так что пускай "Все идет по плану" лежит под замком до тех пор, пока этот вопрос не будет "снят с повестки дня". А что касается изъятия из магазинов, то изначально в этом заявлении было сказано о том, что мы это сделаем, но потом я показал текст одному своему товарищу - и тот опечалился и сказал: "Ты знаешь, когда Ганелин уехал из СССР, его пластинки тоже изымались из магазинов, и это было ужасно некрасиво. Не надо этого делать". И я выбросил из текста фразу про изъятие. Хотя Андрей Богданов уже готов был садиться в автомобиль и ехать по магазинам. И я никогда ему этого не забуду, потому что далеко не каждый директор фирмы способен решиться на такой шаг.

БОРИСУ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Года два назад один из моих лучших друзей позвонил мне по телефону и говорит:

- Вчера по телевизору показали концерт Гребенщикова...
- Ну и как? Понравилось?

- Ты знаешь, настолько понравилось, что я не выдержал, открыл бутылку водки и выпил ее всю сам.

Это был концерт, на котором, в основном исполнялись песни, вошедшие потом в "Русский альбом". Поскольку дружок мой записал этот концерт /хотя и не сначала/, потом мы смогли устроить коллективный просмотр /втроем/, и при этом полностью согласились с первоначально высказанным мнением. Что, естественно, сопровождалось распитием еще нескольких бутылок. Бутылки - бутылками, но песни нас действительно очень тронули, хотя до этого я долгое время с некоторым подозрением относился к позднему "Аквариуму". При этом голова моя давала к песням различного рода комментарии, а душа совершенно отказывалась эти комментарии принимать.

Например:

"Что же мы? До сих пор все пьем эту дрянь, цапаем чертей за бока..." Уж кто бы говорил.

"Отпусти мне грехи первым взмахом крыла..." Вот она, чисто Гребенщиковская халява.

И так далее.

Потом я несколько раз пытался объяснить и самому себе, и другим, почему мне так нравятся песни, которые явно не являются до конца искренними.

Такое ощущение, что я пришел в церковь и увидел там священника, про которого я знаю достаточно много биографических подробностей. Он читает проповедь, а мне все хочется сказать:

- Но ведь ты же обманываешь их, священник. Ведь ты же, на самом деле, совершенно не такой, каким сейчас кажешься. Ведь ты же достаточно слабый человек, ты часто совершал проступки, за которые должно быть ужасно стыдно, много лет назад ты вообще повел себя так... Как же ты можешь петь про "чистую звезду"? Ведь все в нашей жизни получилось совсем не так...

- Но ведь ты же веришь мне? Разве нет?

- Верю, ... конечно, верю, хотя и не могу понять, почему...

- Конечно, веришь. Ты сидишь, пьешь эту водку и плачешь пьяными слезами, потому что тебе всегда больше всего на свете хотелось дойти именно туда, "до чистой звезды". А получилось все совсем не так. Получилось, что ты сам же все и топил... сам знаешь в чем. И тебе ужасно стыдно об этом вспоминать. Тебе бы хотелось вернуться назад и все изменить, тебе бы вообще хотелось изменить жизнь, потому что она оказалась не такой, как ты этого ожидал. Но она оказалась именно такой - и с этим уж ничего не поделаешь... Но ведь душа твоя все равно смотрит в ту же самую точку. Тебе все равно кажется, что ты ее видишь, хотя умом ты уже не веришь, что туда

можно дойти. Но душа твоя все равно этого никогда не поймет. Она всегда будет смотреть и идти все туда же, не обращая внимания на то, о чем думает твоя глупая голова. И в этом, наверное, твое счастье... И мое тоже. И ты интуитивно чувствуешь это, поэтому и веришь мне несмотря ни на что...

- Верю, священник, конечно верю. Я никогда не приду к тебе исповедоваться, но если вдруг когда-нибудь меня снова спросят: "Что ты думаешь о Борисе Гребенщикове и его творческом пути?" - я подниму стакан и немедленно выпью за твое здоровье. Будь здоров, дорогой, спасибо тебе за то, что ты есть на свете, а все остальное...

ВЛАДИМИРУ ШИНКАРЕВУ

Мне ужасно стыдно, поэтому этот разговор я начинаю как бы "в спину". Мне ужасно стыдно, хотя еще позавчера я прислонял голову к твоему плечу, и ты для меня практически не призрак - даже слово "призрак" произносить как-то глупо - а совершенно реальный человек. Просто ты, наверное, единственный мой знакомый, который никогда не говорил того, с чем я был бы не согласен, и толкать тебе свои мысли о жизни как-то глупо и нелепо. Но почему-то мысленно я в данном случае все равно обращаюсь именно к

Д.Шинкарев (в центре), 1986

тебе. Ну, так уж получается. Когда вы с Митей приезжали в Москву, мы все стояли в темном дворе перед клубом и обсуждали всякие грустные вещи - про то, что книжка не выходит, про эту самую акцию с участием Егора Летова, про квартиру твою "новую" /"Какая разница, есть ли в Аду телефон? Все равно там жить невозможно..." / И ты тогда спросил: "Как же жить-то будем?" Конечно, это был вопрос не ко мне, а просто риторический вопрос, обращенный в пространство, но это тот самый вопрос, на который я все время

сам себе отвечаю, поэтому во время этих разговоров ты как бы постоянно присутствовал где-то рядом и в результате я обращаюсь именно к тебе. Ведь ты же "главный", а на такую тему всегда хочется разговаривать с самым главным, хотя при этом мне действительно ужасно стыдно.

Когда-то я шел по улице города Торонто рядом с замечательным и душевнейшим человеком Наташей Ярошевской, которая там прожила много лет, и вдруг она сказала: "Да, наверное, если здесь родиться, то можно все это любить..." Наверное, можно. Но Когда я представлял себе, что я вдруг

поселяюсь там навсегда, мною овладевал самый настоящий ужас и страшное чувство пустоты. В нашей жизни ужасов, прямо скажем, хватает. Но вот чувства пустоты у меня все равно нет. Как сказала одна моя знакомая: "В моей жизни кругом одни обломы, но жить почему-то все равно интересно".

Только что было ужасно тоскливо и больно. И вдруг что-то в природе изменилось. Я иду по улице и не хочу садиться в трамвай, потому что в воздухе витает что-то такое хорошее, и идти мне легко и приятно. А в голове звучит песня "Свобода есть". И я представляю себе, как всякие разные мои знакомые, которых я очень люблю, и которых, на самом деле, очень много, начинают ей подпевать. Как будто мы все собрались в каком-то абстрактном пространстве, и каждый приплясывает по-своему, со своими характерными жестами, и поет:

"Твоя свобода внутри тебя
Твоя свобода внутри
Твоя свобода внутри тебя
Открой и посмотри..."

* * *
* *
*

М.ЗУЙКОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО МАРШ-БРОСКА

Мне всегда трудно давались статьи о разного рода рок-фестивалях. Казалось бы, море информации, впечатлений... Пиши себе да пиши! Однако, не все так просто.

Одно дело - завязать до поры-времени с алкоголем, сидеть себе благодарным зрителем с блокнотиком в руках, все видеть и слышать, записывать первые впечатления, пощелкивать фотоаппаратом... А у меня так не получается! Какие-то светлые пятна на фоне всеобщего марш-броска. Какая уж тут к черту объективность?!

В общем, решив отказаться от формального освещения фестивальных событий, я предоставляю вниманию читателей такую вот солянку из этих самых светлых пятен...

"Индюки - птицы с сопливыми носами"
/наблюдение/

ВСТУПЛЕНИЕ

Была середина марта 1993 года. Мы ехали в Москву, не ведая того, где будем выступать - то ли на очередных столичных баррикадах, то ли на престижной сцене Орехово-Зуево в рамках кушниковских "Индюшат". Напряжение, снизошедшее на ЦИКАБА после звонка Гурьева, не покидало нас уже вторую неделю: обкатка фестивальной программы, запись болванки очередного альбома, священные бои за поправки к шестой мантре - все это сделало свое коварное дело - нервишки пошаливали. Плюс к тому, окончательно распоясалась паровозная мафия, и мы вынуждены были добираться до Москвы-матушки частями - в один день билетов на всех не хватило... Отдельно нужно упомянуть о похищении из Тюмени "кооперативного Шурика Андриюшкина", которое проходило под официальной вывеской "поездка к больной бабушке" – мера необходимая, ибо начальник КООПЕРАТИВА НИШТЯК Кирилл Рыбьяков очень ревностно относится к такого рода проявлениям солидарности.

Итак, вооруженные газовыми стволами, огромной сумкой еды и гитарами, мы ехали в Москву с песнями...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Дорогу ЦИКАБА явно освещала счастливая звезда. Мистика какая-то! Чем же еще тогда объяснить тот случай, когда мы с Шуриком, сиротливо оглядывавшие перрон Казанского вокзала /Гурьев опоздал к прибытию нашего поезда/, через час встретили его в шумной толчее метро? Причем, узнал //! Гурьева Шурик, ни разу до тех пор его не видевший и руководствовавшийся лишь моей краткой характеристикой /"рыжебородый такой" - как будто мало в Москве рыжебородых?!. И вот мы очень удачно вписались в "левую" кушниковскую квартиру на Преображенке, являющую собой нечто среднее между музеем рок-н-ролла и воровской малиной. Вскоре появился сам хозяин, которого, как выяснилось, и не ждали.

Оба мэтра были заметно рассеянны - в прошедшую ночь умер один из сподвижников отечественного рок-движения Артур Гильдебрандт и... в общем, что тут объяснять...

Общее скопившееся напряжение было снято неким количеством спиртного и теплым разговором, развеявшим сомнения по поводу агрессивной сущности мирового сионизма. Старая скатерка, напомнившая мне детство, плюрализм домашних тапок в коридоре...

ОТСТУПЛЕНИЕ

Ходят про меня такие вот разговоры. Страдает, мол, чувак, манией увековечивать на магнитной ленте пьяные бредни своих подозрительных собеседников.

Ну, если касаться истории моей болезни, то первые ее симптомы проявились еще в 1977 году, когда мы, студенты 1 курса ТИСИ, записывали на магнитофон наши многочисленные пьянки - чтобы последующие дни оттягиваться над некоторыми приколами минувшего застолья. Было интересно. Потом это дело как-то заглохло. Нет, пьянок не стало меньше. Надоело просто, наверное...

Сейчас вот опять поехало... Попробую объяснить.

С дураками я не беседую и беседовать не собираюсь. Я общаюсь с людьми, которые мне интересны, и эффект общения наиболее ярко проявляется в известном "размоченном" состоянии. Это вообще уникальные разговоры, когда собеседник режет матки направо и налево. Если хотите, это такой хэппенинг. Классический русский застольный хэппенинг. Мне вообще думается, все великие идеи созревали у русского человека за кухонным столом под горькую и соленый огурец. Это наше.

Еще один плюс - можно всегда сослаться на свою невменяемость в момент разговора: пьян, мол, был, не помню ни хуя!...

А кто не понимает, что живет рядом с интересными художниками, музыкантами, - им все равно ничего не объяснишь. Увы. Большое видится на расстоянии. Даже не в смысле времени, а в смысле километров железных дорог. Так часто бывает.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ /продолж./

Александр Кушнир /К/: - Мужики, вы настолько вовремя приехали, даже представить себе не можете. Сидели бы мы сейчас с Гурьевым напротив друг друга и... обтекали...

Сергей Гурьев /Г/: - Я сегодня ночью говорил, что после... таких дел... ни одну из приезжающих групп морально не смогу встретить. Кроме ЦИКАБА.

К: - Вы нас из такого болота вынули...

Михаил Зуйков /З/: - У нас в Сибири тоже болото знойное!

К: - У вас болото растекается во времени и пространстве, а у нас оно сиюминутное, очень глубокое.

З: - Мы должны были встретиться год назад в Вятке*, но меня, к сожалению, сломал жесточайший грипп...

К: - Вятка - это такой мой ребенок! Я так переживал за каждого неприехавшего журналиста...

Г: - Нет, мы должны были встретиться еще раньше. В 1991 году я хотел позвать ЦИКАБА на "Индюков", а потом взлетели цены, и пришлось ограничиться московскими группами.

К: - Да, мы звали и КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР, и МЫНУЛА ЮНЬ... Потом я

звонил, извинялся...

Г: - Я не помню, успел тебя пригласить?

Звонил в Ишим?

З: - Впервые слышу!

Г: - Значит, не успел!

З: - Ну, и хорошо!! А то бы я потом обломался...

Г: - А ЦИКАБА в списке на "Индюков" стоял!

З: - Приятная новость!

К: - Вообще, конечно, пятый

"Андерграунд"*** наделал шороха в Москве!

Один из моментов. Номер попал к нам до

"Индюков", и я был в панике! Ведь

ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ тоже предполагалась!

Г: - Сколько изданий перепечатало из этого журнала фрагменты! Не сосчитать!!

К: - А предыстория появления ЦИКАБА на "Индюшатах" такая. Сидели мы с Гурьевым, писали фестивальны́й буклет...

Г: - ... и бухали! Для того, чтобы раскрепоститься и написать повеселее.

К: - И вот Гурьев, набрав форму, опять затянул свою песню про состав. А у меня тогда была такая идея - хочу, мол, сесть в говно, мой состав, никого не желаю слушать! А Гурьев, разрывая рубаху на груди, кричал: "Я тебе плохого не посоветую! Приглашай ЦИКАБА!!" Ну, хуй с ним, звони Зуйкову! И вот с этого самого телефона...

Г /перебивает/: - Тут было две кульминации. Первая, когда обговаривали ж/д расходы /Кушнину/ Помнишь? /пьяным голосом/ "Шура, давай, ты свои шесть штук и я шесть!" И потом Кушнин заорал: "Хуй с ней, с фонограммой - пусть так едут!!"

З: - Мы на том конце провода сказали: "Какие мужики-и-и!!!" И побежали на вокзал. До этого звонка были страшные сомнения, и мы уже решили не ехать, потому что с деньгами было очень туго. Еще звонок к Чернокошкиной*** обломал - "Ребята, только на свои деньги!" А через день - ваш звонок! Мы охуели там! Да что мы?! Вот Шурик, человек, который, отбросив все дела, ебанул в Ишим для репетиций!..

Г: - А тут пили "Славянскую горькую настойку"...

З: - ... и все решилось махом!

К: - Давайте выпьем за безумную спонтанность!

Г: - Все должно было правильно кончиться.

З: - Вот еще завтра Китайца встретим... Диму Куприянова.

Г: - Он китаец?

З: - Он - Китаец.

Г и К /в голос/: - Хорошо.

К: - Я чувствую, фестиваль окончится джемом, рок-н-роллом "Дети разных народов, мы мечтою о мире живем".

З: - Ну, ладно, парни, всего вам светлого! Хорошие вы люди!

К: - У нас такая жизнь, что нам некогда осознавать, какие мы люди.

Г: - Но вот когда мы тот раз бухали... Это была как бы экстремальная ситуация, которая выявила, что мы все-таки хорошие в основе своей. Ну, и вы не сплеховали.

Кушнир смотрит на часы, извиняется и собирается уходить.

К: - Не надо обижаться, что я рано вас покидаю. Наоборот, удивляйтесь, что я пришел сюда. Такая стремительная жизнь... Если козлы с Запада будут звонить, нужно передать им информацию о завтрашней "стрелке": метро "Бауманская", 10.30. В тупике. Только как вы объясните англичанам, что такое тупик?...

З: - Жопа.

К: - Да.

Довольный ответом,
Кушнир уходит.

З /Гурьеву/: - Сережа, твоя статья о Романе Неумоеве****, напечатанная в "Гуманитарном фонде", вообще фантастическая! Для тюменцев - небылица полная!

Г: - Телега! Я в период написания статьи - а это была осень 1991г. - увлекался мифологизацией и считал, что там, где нет мифа, нет энергетики. Без мифа жизнь оказывается выхолощенной, пустоватой, голой структурой. Миф должен дополнять то, чего в жизни не хватает.

З: - Читатели-то воспринимают это на полном серьезе.

Г: - Мифы для того и создаются, чтобы народ в них верил... Вот и я попытался нарисовать такого Илью Муромца...

З: - Скорее, Соловья-разбойника!

Г: - У каждого народа должны быть мифы, легенды. И если кто-то располагает, чтобы из него сделали легенду - значит, так и надо. Не про всякого можно написать такое, чтобы поверили. А про Ромыча напишешь - и верят. Кстати, а какие альбомы ИПВ есть в Ишиме?

З: - Кроме некоторых концертников типа барнаульского есть все.

Г: - У вас наверняка нет акустического московского альбома Романа Неумоева!

З: - Да, этой записи нет.

Г: - Очень хороший был концерт. Там присутствует изумительная версия "Красного смеха".

Потрясающе! Очень хорошо получилось "Все пройдет" и "Все это так, все

это есть". А три вещи плохо спеты. "Вербa" и "Зяблики" хорошо получились в концертном варианте. Эти две записи - концертная и студийная - в ноль друг друга повторяют.

З: - А я скажу о записи, которой точно нет ни у вас, ни у кого-то другого. В 1991 году в Тюмени ИПВ записала инструментальную фонограмму в танцзале. Состав тот же, что и на "Непрерывном суициде". И, по слухам, Ромыч в Москве пытался наложить на нее голос.

Г: - Да, к этому я призывал его полгода. Попытка была. Считалось, что три вещи получились, но Ромыч сказал, что они - неудачные: неправильная энергетика и т.п. И приказал все стереть. И вместо этого записал свой студийный акустический альбом, где опять же всего три вещи получились удачными.

З: - По Тюмени прошло известие, что Ромыч собирается приехать на "Индюшат".

Г: - Это было бы здорово!

З: - А почему бы тебе ни позвонить тюменцам, пустившим корни в Москве: Артуру Струкову', Гузели", Немирову""?.. Пригласи их на фестиваль, людям будет приятно. Заодно и про Ромыча узнаешь.

Г: - Хорошая идея! Прямо сейчас и позвоню.

По имеющимся номерам Гурьев отловил только Немирова.

На фестиваль он не собирался, зато выяснилось, что в Москву, действительно, приехал Роман Неумоев - для выпуска на виниле альбома ИПВ.

Г: - Слава, а какой альбом лег в основу пластинки?... Акустический?.. Электрический!?... А когда он записан?... Уже в начале 93-го?!... В Тюмени?... А с кем?... С Аркашей Кузнецовым, и с Джеком, и с Джексоном""?! Какая круть!!

З: - Сомнительно...

Г: - ... И Ковязин""?... Пиздец!! Вот это грандиозно!.. А какая фирма будет выпускать?... Если нужна фирма - нет проблем, мы обсудим этот вопрос. На следующей неделе я до тебя доберусь. Привет!

Кладет трубку.

Г /недоуменно/: - Какой альбом 93 года? Какая лажа?! Не может этого быть! Аркаша, Джек... Про Джексона Немиров точно не знает, Но Аркаша и Джек точно записывались с Ромычем... Это - ахинея! Не может этого быть!! Я не верю, и сейчас мы будем это проверять. Позвоним Андрею Гофлину.

Из звонка выясняется, что Ромыч точно приехал в Москву, остановился у Гофлина, но в данный момент их обоих нет дома.

З: - Я виделся с Ромычем в конце января 93 года, и он говорил, что ни о какой работе с тюменскими музыкантами не может быть и речи - пусть, мол, сначала научатся играть. Его слова.

Г: - На самом деле, Аркаша с Джеком - очень хорошая ритм-секция. Джексон тоже произвел впечатление на концерте. Концерт ИПВ на "Индюках" был классный!!

З: - Альбомы ИПВ 1991 года, где принимал участие Джексон, очень похожи на **КООПЕРАТИВ НИШТЯК** образца 1992 года - с Джексонном. Одинаковая гитара. Предыдущий гитарист КН Игорь Булдаков, по-моему, интереснее. Не в смысле запилов, а в плане идей. Его так и называют "Выдумщик". Вообще,

самая сильная, самая действенная, самая активная, самая записывающаяся команда Тюмени - **КООПЕРАТИВ НИШТЯК**. Хотя ты их и не любишь, я стараюсь переубедить тебя...

Г: - Вот что-то их менеджер Аня Долотова меня надломила!

Шурик Андриюшкин /А/отмалчивавшийся до сих пор /: - Она никакого отношения к КН не имеет! Это нахальная толстая баба!

Г: - У меня три неприятных момента, связанных с КН, и один - приятный. Сначала о приятном. Это - прослушивание одного из первых акустических альбомов КН, со скрипкой. А неприятные - это "Необитаемый остров..."^ - альбом, который меня обломал; потом я не проникся ... /??? - не понятно, ибо слова глушит включенная запись "Готики"^/, ну, и Аня Долотова, которая разговаривала со мной о КН с таким гонором, будто она менеджер НАУ!

А вообще, Тюмень, конечно, энергетическая точка. Недавно в Москве был акустический концерт СИММОНСА. Усов Борис^" делал.

А: - Скажи, что побудило Усова на такой неблагодарный шаг?

Г: - Он торчит от Симмонса.

А: - СИММОНС - это такая фигура в Тюмени, которую... не то что никто всерьез не воспринимает... Он - как грязь под ногами...

Г: - Усов и его друзья просто заиклены на молодом тюменском панке.

А: - Если бы Симмонс был панком! Во время его последнего концерта в Тюмени Коля Рок-н-Ролл изрек: "Вот так и убивают рок-н-ролл!" Концерт, действительно, был страшен. Симмонс кричал по-английски, что он любит "Сникерс", под какую-то псевдохардовую музыку...

Г: - В Москве он пытался покорить всех хитом "Мне двадцатый год", как я помню... Концерт проходил на этой самой квартире, где мы сейчас сидим, и особого успеха не имел.

А: - До Тюмени дошли известия, что однажды на Арбате Симмонс пел песни КН, выдавая их за свои. После этого Кирилл Рыбьяков люто возненавидел Симмонса.

Г: - Вот, кстати, "Мыши" с Мишиным хотели сделать фестиваль, на который собирались пригласить КН и ШИЗО^^'.

А: - Джефф^^" очень скептически относится к разного рода гастроллям... А ШИЗО?.. Как сказал Дик, попсовый панк хуже "Ласкового мая"!

Г: - Согласно "Шумелаъ ъмышъ" N 2, на фестивале "Белая поляна"^^^ было три "гиганта": ШИЗО, КН и ЦИКАБА. СИММОНС – не в счет.

З: - Дай Бог ребятам из ШМ здоровья за рекламу, сделанную ЦИКАБА в Москве!

Г: - Про ЦИКАБА в Москве знали уже давно. "АНДЕРГРАУНД" N 5 сделал свое дело. И, самое парадоксальное, я ЦИКАБА не слышал до сегодняшнего дня. Просто было некое интуитивное ощущение...

З: - Давай выпьем за ШМ!

Г: - Давай! Ребята они хорошие, правда, в последнее время у них много наигранного экстремизма. На уровне имиджа... Но дело они делают хорошее.

З: - Вот еще что растолкуй мне. По Тюмени прошел слух, что Илья Смирнов подавал в суд за интервью Неумоева журналу "АНДЕРГРАУНД". За оскорбительные слова Ромыча в его адрес. Правда ли это?

Г: - У меня нет никаких данных по этому вопросу. Одно знаю - Смирнов крайне болезненно прореагировал на это интервью, перепечатанное в ноль журналом "Шумелаъ ъмышъ", звонил Кушниру... Но чтобы подавать в суд?... Я думаю, это тоже миф, который имел место в реальности. Смирнов - достаточно умный человек, чтобы понимать, что в суд подавать совершенно абсурдно. На кого подавать? На рукопись?.. Смирнов делает сейчас какие-то рок-обзоры для "Радио Свобода", печатается в газете "Солидарность" пост-анархической... Он был талантливым человеком, который очень сильно привязал себя к идеям своего времени. И когда время очень резко пошло в сторону - это стало трагедией его жизни. Он вдруг оказался в глухом противостоянии. А личность была очень крупная. Волевой человек, который мог воспламенять, убеждать массы с трибуны... Все это было ему дано. А время делает виражи, и чтобы находиться с ним в нормальных отношениях, надо обладать какой-то легкостью, подвижностью и...

З: - И похуизмом!

Г: - Конечно же, похуизмом!! Вот чего у Смирного не было – так это похуизма. Никогда. Напротив, это был человек охуительной ответственности, доходящей до абсурда.

А трещина между Смирновым и Неумоевым пошла после исторической свердловской рок-конференции, где Грахов^^^ поселил их в один номер. Что там между ними происходило, я не знаю, но уехали из Свердловска они полные ненависти к друг другу. А потом эти люди пересеклись при подготовке нами "Урлайта" N 7/25. Туда шла статья Левы Гончарова о фестивале памяти Селиванова, в которой он в очень возвышенных тонах писал об ИПВ, затащившись от их концерта. А уже тогда в Москве имела

хождение статья Неумоева "Памяти Селиванова". Позднее, благодаря Косте Мишину, она была напечатана в газете "День". И, апеллируя к этой статье, Смирнов говорил, что не может допустить, чтобы об авторе этой статьи, шовинисте Неумоеве, в таких красочных тонах упоминал наш /тогда еще/ журнал. А мы считали, что лёвина статья - украшение журнала. И большевистские по духу попытки Смирнова ее перечеркнуть... Трещина тогда возникла очень серьезная. Таким образом, и Неумоев сыграл в расколе "Урлайта" свою роль.

З: - Все-таки непонятно твое отрицательное отношение к КН, к песням Кирилла Рыбьякова. Ведь первые два альбома ИПВ обрели свою популярность во многом благодаря песням Кирилла, которых там достаточно.

Непосредственно песен Ромыча на этих альбомах - минимум. Он ими потом разродился. Потом. А имя у ИПВ уже было! Тот же Игорь Булдаков как-то сказал, что Ромыч гениально использовал чужой материал. Собрал лучшие песни тюменских музыкантов и гениально их спел.

Г: - Что касается меня, то я затащился от ИПВ не на этих первых двух альбомах, а от их концерта в Новосибирске в 1988 году.

З: - Там ИПВ исполняла материал с вышеупомянутых альбомов!

Г: - Меня потряс не репертуар, а энергетическая подача Ромыча как вокалиста. А тексты ИПВ приобрели для меня значение после появления таких гениальных песен как "Непрерывный суицид", "Красный смех", "Час до полночи"...

З: - К сожалению, ИПВ не сделала студийных записей этих песен.

Г: - Да, но они прозвучали на том самом "Последнем концерте 80-х", и в Москве их знали. И когда эти песни появились в версии Летова, было много споров - выиграли от этого песни или нет.

З: - Что тебе известно о летовских пластинках?

Г: - Этим делом занимается Женя Грехов, фирма "Золотая Долина" московско-новосибирская. Они напрямую работают с Апрелевским заводом и выпускают гигантскую серию пластинок Летова. Уже вышел "Прыг-скок". Саша Волков принимал участие в изготовлении макета обложки. На очереди первые альбомы ГО и "Сто лет одиночества". Этот последний альбом никто не слышал в записи потому, что он придерживается Летовым до выхода пластинки, в чем и Летов, и Грехов кровно заинтересованы. На сегодняшний день Летов - это в потенциале гигантские деньги. В плане денег это фигура масштаба Валерия Леонтьева. КИНО и ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА - вот две самые лютые группы в плане раскупаемости. КИНО занимается одна мафия, ГО - другая мафия. Летов - личность огромная, поставить с которой кого-либо трудно. Роман Неумоев, на мой взгляд, намного талантливее, поэтичнее, более крупный художник. Но как личность, воплотившая себя в истории, - нет.

З: - Самая поэтическая личность Сибири - Кирилл Рыбьяков. Его тексты нужно издавать отдельными сборниками. Очень сильный поэт!

А: - Вот именно поэтому я играю в КН.

Г: - Звучание КН меня пугает. Какой-то нарочитый экстремизм, неорганичный, по-моему...

З: - А в душе Кирилл - лирик.

Г: - Вот! Вот! Именно лирик! И со скрипкой все это воспринималось очень человечно.

З: - Шурик, спой "Дождь"!

А: - Да, эта песня на "Готике" была обезображена этим самым ужасным звуком...

Шурик Андриюшкин поет "Дождь"

Г: - Очень хороший вариант. Исполнение такое "наумовское", в манере вокала... По-моему, зря Рыбьяков пошел от концепции. Нужно всегда идти от песни, которая на порядок выше любой концепции. Гасить концепцией песню - это преступление. Есть художник, и есть клише - вопрос в том, кто выше. И если имидж становится важнее личности - это очень плохо. Крупная личность может оперировать с имиджем. А если человек очень талантлив, а личность не очень значительная - а я уверен, что Кирилл именно таков, - тогда имидж его раздавит и посадит в клетку, что, по-моему, с Кириллом и произошло. И из этой клетки его талант еле виден. Погоня за крутизной... Надо идти от себя, а не от абстрактной крутизны, которая извне навязывается человеку, подминает его под себя и уничтожает. Высшая крутизна - быть собой!

А: - Кирилл - очень скрытный, таинственный человек. Я уже много лет с ним знаком, но не могу с уверенностью сказать, что его знаю.

Г: - Есть подозрение, что на самом деле это - комплекс. Человек боится подать себя искренне, и - вот вам, бля, какие мы крутые!! На творчестве это откладывается плохо.

З: - Сергей, чем ты занимаешься после "КонтрКультуры"?

Г: - Пресловутым журналом "Пеноллер". Это - полный отход от самиздата. Ориентация на профессиональную журналистику западного плана: драйв, лаконичность, стильность и т.п. На контркультурной эстетике существовать стало опасно и безнравственно. Мы решили уйти от этого. Чтобы не наезжать никому на голову.

З: - В провинции, как правило, нет возможностей в плане типографии, полиграфии и т.п. Люди продолжают выпускать свои журналы как и прежде - через жопу. Как к этому относится столица?

Г: - Хорошо! Вот недавно получили из Тамбова журнал "Субанда". Прочитали с интересом. Сейчас я тебе его покажу.

К.Рыбьяков, 1993 г.

З: - Ох ты! Рукописный журнал!!

Г: - Да, у людей нет даже печатной машинки!

З: - Тогда мне жаловаться вообще не на что!

Г: - В Тамбове царит жизнь...

З: - По-твоему получается - чем непрофессиональнее, тем жизненнее?

Г: - Однозначно. Последняя сенсация - тульский журнал "Польский батон". Его издают школьники 14-15 лет, пишут карандашами, большими печатными буквами! Криво! С ошибками!! Идей особых нет, но восприятие очень чистое, непосредственное. За счет этого - драйв, самобытность. А с идеями сейчас вообще как-то... Ножницы такие между идеями и драйвом. Чем больше идей - тем меньше драйва. По-моему, кроме нас никто и не умел из идей делать драйв. Вот взять "ЮЛДУС НЬЮЗ"^^^ - идей там просто океан, а драйва никакого!

З: - По моим последним данным, Женя Киселев вместе с Володей Жилкиным /"В ЖИЛУ!"/ собрались этим летом уехать в какую-то Богом забытую деревушку, чтобы делать там совместный журнал. Интуитивная журналистика.

Г: - Может быть, Жилкин внесет драйв в киселевскую глубину?! Он мог бы динамизировать Киселева. Правда, у Жилкина какая-то не та динамика. Ей не хватает вкуса. Некайфовая динамика!

З: - Сергей, а кто ты по жизни?

Г: - Я почти безработный. Занимаюсь журналом "Пиноллер", вместе с Сашей Волковым и в какой-то мере Кушником. Кроме того, я продюсирую РАДУ. Ну, и больше вроде ничего не делаю. Я вообще стараюсь себя сильно не перегружать, чтобы можно было спокойно лежать на диване, читать книжки, слушать радио. Больше всего хочется жить как-то абстрактно, валяться, ничего особенного не делая, смотреть по телеку какую-нибудь Ветлицкую, прикалываться... Чтобы вся жизнь не превращалась в функциональное выполнение каких-то дел. Очень рад, что это пока удается.

З: - Но, тем не менее, организовать фестиваль - это же надо крутиться! Кончилась твоя диванная жизнь?!

Г: - Да. Кончилась на время. Лежал, лежал, потом в какой-то момент сконцентрировался и начал действовать... Вот у Кушника вся жизнь такая, как натянутая струна. У него в голове постоянно крутятся какие-то шестеренки - надо совершить то, надо сделать это - безумно насыщенная жизнь! За счет этого он очень многого добивается, и я его за это уважаю. Он не оставляет для себя свободного пространства. А мне этого свободного пространства нужно очень много. Поэтому я стараюсь все сделать очень быстро - скинул с плеч и лег опять на свой диван, и расслабился... Пошел на кухню, вынул из холодильника творог, положил на блюдечко, посыпал сахаром... Ешь творог, смотришь по телевизору глупую Ветлицкую...

З: - Телесериалы?

Г: - Нет, нет. Телесериалы - это уже какая-то дисциплина. Это невозможно. Я предпочитаю включать телевизор, когда захочу, и что там идет в это время - сессия Верховного Совета или "Марианна" - совершенно нормально можно

посмотреть минут пятнадцать, не обязательно сначала, и можно отключиться. Просто какой-то участок ни к чему не обязывающей хуйни. Хочется как можно более широкой праздности жизни!

А: - С точки зрения древних китайцев, это как раз самый кайф...

Г: - Я даже без китайцев это чувствую!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утром мы с Шуриком поехали на Казанский вокзал, где встретили голодного, изрыгающего хулу на весь белый свет, Китайца. Далее: метро, Курский вокзал, переполненная электричка, Орехово-Зуево, экскурсия по экологически опасному городу на грязном автобусе, ДК "Восход", похожий снаружи на сельский клуб и - неожиданная роскошь внутренних апартаментов, небольшой уютный зал, обилие аппаратуры, внимательные звукооператоры... И еще общежитие "Рябинка": вахтерский персонал - сама любезность, душ, чистый туалет и в любое время горячий чайник /вот это точно мистика!/.

Это был день акклиматизации и репетиций.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ, ФЕСТИВАЛЬНЫЙ или **ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЬЗЕ СПИРТНОГО**

- А Кушнир-то, оказывается, клевый чувак!

Сегодня он меня приятно удивил!

- Его просто нужно почаще поить!

/из разговора на "Индюшатах"/

Да, в этот день в кулуарах ДК "Восход" часто звучала мысль, что Кушнир хороший в общем-то человек. Как же мы, мол, ошибались в нем?! Лишь трезвый непримиримый Жилкин не поддавался хмельной благодати, исходившей на одного из организаторов фестиваля. Старые раны...

А благодать снизошла на "Индюшат" в полной мере. Даже многочисленные менты были какими-то умиротворенными и целомудренными. Вместе с такими же местными гопниками - доброжелательными и отзывчивыми.

Правда, не прибыл к началу фестиваля автобус с прессой и иностранцами. Так что открывавшие первое отделение ижевцы - ЧИКИПАОПАППА - остались обделенными вниманием грандов пера.

ЦИКАБА играли вторыми. Перед нашим выходом в гримерку ввалились орехово-зуевские гоблины с целью распить бутылку. Закусив любезно предоставленными нами бутербродами, парни явно восхитились, когда я ввинтил из горла остатки коньяка – пора было выходить на сцену.

«Цикаба» на «Индюшатах»

Выступление протекало стремительно. Изначальный мандраж прошел где-то к третьей песне. А после "Убить жида" и пузыря пива все вообще встало на свои места. Поперла энергия, вольности в пении /кто-то называет это импровизацией/, общение с публикой. Гоблины танцевали. Даже под "Вчера"! Пиздец какой-то! Под сольные номера Шурика эта гвардия вообще охеревала!! Один гoblin даже возгорел желанием, чтобы Шурик вылил ему на голову банку яблочного сока. Сказано - сделано! В середине нашего концерта за барабаны выполз местный звукооператор - Папа. "Давай, Ишим, давай!!!" - шептал он и, вставив сигарету задом наперед, пускал на сцену клубы дыма - пиротехника такая доморощенная. Тем

круче!

В конце намеченной программы Кушнир тормознул нас на сцене - прибыл заблудившийся автобус с прессой: "Давайте еще одну вещь, а потом - "Жида", "Жида"!!!" Мы дали по-второму разу "Жида". Да-а-а!! Умилились от нашей версии "Жида" сами же евреи, коих в московской рок-журналистике явно с избытком. Скрипка Китайца заставила их пустить свои генетические корни... Напоследок мы повторили еще и "Больно", и "Морозко". Гоблины показывали "коз". Я кинул им листки с текстами песен, в битву за которыми кинулись непонятно откуда взявшиеся "Шумевшие Мыши" /"Еле отвоевали!" - Мыши/. Кушнир лез целоваться /чувственная еврейская душа!/.

В кулуарах заметалась пресса. Пока Китайца атаковал корреспондент "Жибао Елки-Палки", а Шурику тряс руки какой-то американец, я был похищен двумя милейшими созданиями - Аней Голициной и Олей Барабошкиной, которые с таинственными глазами сообщили мне весьма приятную новость: после а/ прослушивания нашего м/альбома "Причуды обугленных пальцев" б/ увиденного в Орехово-Зуево ЦИКАБА твердой рукой организаторов был вписан на фестиваль "Индюки Нижегородские", запланированный на апрель. Вот это был подарок!

Остаток дня протекал стремительно. В конце первого отделения зрителей ожидал сюрприз: "Мертвые Мыши", они же СОЛОМЕННЫЕ ЕНОТЫ, они же ниестовые Борисы /Рудкин и Усов/, усиленные активной драммершей Эвелиной Шмелевой, пользуясь хмельной благосклонностью Кушнира, прорвались на сцену. Умудрившись чудеснейшим образом напиться с бутылки пива, эти скандальные дети московской элиты

устроили на подмостках речитативно-шумовое шоу, напомнившее мне пляску клешнятых крабов. Десяти минут хватило, чтобы довести спектакль до логического конца - ЕНОТАМ просто вырубил звук. "Как это круто - нам зарубили выступление!" - с гордостью переваривали свой выход ЕНОТЫ. "Я почувствовал себя рок-звездой!" - восторженно говорил взъерошенный Усов. Да, со времен визита Енотов /тогда еще Мышей/ в Тюмень /"Белая Поляна", 1991 г./ с ребята явно сошел столичный лоск. Элитарность /?/ стала проявляться в сомнительного качества джинсах, ненормативном лексиконе, легких увечьях, полученных в боях с гопниками...

С еще не остывшими после сцены ЕНОТАМИ мы пошли в "Рябинку" чтобы обмыть наши выступления и собрать вещи – через пару часов надо было отваливать на вокзал. Так что посмотреть я успел только местные СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ - отечественный вариант "Ministry". От комментариев воздержусь.

А потом опять был марш-бросок. На сей раз домой. Никаких светлых пятен. Серые плоцкартные впечатления. Посему пора ставить точку. Точка.

Михаил ЗУЙКОВ /ЦИКАБА/, май 1993 г. Ишим

ПРИМЕЧАНИЯ

^ - Международный фестиваль независимой рок-прессы проходил в Вятке в декабре 1991 г.

^^ - АНДЕРГРАУНД - самиздатовский журнал, редактором которого является М.Зуйков. В N 5 было опубликовано скандальное интервью, взятое М. Зуйковым у Романа Неумоева /ИПВ/, вызвавшее большой резонанс в независимой прессе

^^^ - Чернокошкина Юлия - один из организаторов "Индюшат"

^^^^ - статья С. Гурьева "Цивилизация построила апрель" также опубликована в журнале ОКОРОК

' - Струков Артур - лидер группы КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ /Тюмень/

" - Салаватова Гузель - экс-президент тюменского рок-клуба, организатор фестиваля "Белая поляна" /Тюмень, 1991 г./

"" - Немиров Мирослав - один из отцов-основателей ИПВ, поэт

"" - Кузнецов Аркадий, Джек, Джексон /Евгений Кокорин/, Александр Ковязин - тюменские музыканты, участвовавшие в разные года в ИПВ

^' - "Разбойное нападение на необитаемый остров" - альбом КН 1990 г.

^" - "Готика" м/альбом КН 1992 г.

^"" - Усов Борис - один из редакторов журнала ШУМЕЛАЬ ЪМЫШЬ /Москва/

^^' - ШИЗО - группа из Тюмени

^^" - Джефф /Игорь Жевтун/ - гитарист, принимавший участие в записи альбомов КН в 1992 г. /ныне - ГО/

^^^^' - см. 6

^^ - Грахов Николай - президент свердловского рок-клуба

^^ - ЮЛДУЗ НЬЮЗ - самиздатовский журнал, издаваемый Евгением
Киселевым /п.Юлдуз/